

УДК 903'1(470.5)"638"(045)

О ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

©2018 г. Р.Д. Голдина, Н.А. Лещинская

Термин «пьяноборская культура» известен в отечественной археологии с 1880 г., когда возле с. Пьяный Бор на севере современного Татарстана был обнаружен могильник рубежа эр. В разные годы ученые подразумевали под этим понятием разные памятники, даты, ареалы. К настоящему времени можно говорить о существовании во II в. до н.э. – V в. н.э. в Нижнем и Среднем Прикамье, а также прилегающем Поволжье пьяноборской культурно-исторической общности финноязычного этноса, включающей худяковскую, тарасовскую (чегандинскую), кара-абызскую культуры.

Ключевые слова: археология, пьяноборская культурно-историческая общность, Нижнее и Среднее Прикамье, древности рубежа эр и I-ой половины I тыс. н.э., худяковская, тарасовская, кара-абызская археологические культуры.

Впервые термин «пьяноборская культура» стал известен в 1880 г., когда возле с. Пьяный Бор на севере Татарстана была собрана коллекция уникальных древних вещей, поступившая в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Коллекция заинтересовала ученых, и уже в 1881 г. здесь провел небольшие раскопки П.А. Пономарев (Спицын, 1901, с. 1). Выяснилось, что предметы происходят из могильника, располагающегося на высоком мысу над селом. В 1870-х гг. лес, росший на могильнике, был вырублен. Сильные ветры выдували песок, обнажая костяки и вещи. В 1880-х гг. на могильнике побывали А.А. Спицын, И.Н. Смирнов, Ф.Д. Нефедов. По заключению А.А. Спицына «богатый Пьяноборский могильник до сих пор является главным представителем особого типа древностей, которому по всей справедливости и должно быть усвоено его имя. ... Совершенно ясно, что культура пьяноборского типа составляет непосредственное продолжение культуры Ананьинского могильника» (Спицын, 1901, с. 1, 7). В 1881 г. был открыт и исследован С.К. Кузнецовым могильник Атамановы Кости в низовьях Вятки, давший типологически близкие предметы (Спицын, 1901, с. 8–9).

В 1892 г. возле д. Ныргында были найдены человеческий череп, кость руки и огромная эполетообразная застежка, которую местные власти переслали в ИАК. В 1898 г. А.А. Спицын открыл здесь два могильника пьяноборского типа – Ныргында I и II. Профессор Казанского университета И.Н. Смирнов обследовал в 1894 г. могильник Каменки у с. Мазунино (ОАК за 1894 г., 1896, с. 26–27).

В 1920-х гг. памятники железного века Прикамья изучал А.В. Шмидт, обративший

внимание на неоднородность пьяноборских материалов и предложивший их разделить: памятники Верхнего Прикамья отнести к гляденовской культуре, а Среднего Прикамья – к пьяноборской (Шмидт, 1925, с. 413–414).

В 1933 г. М.Г. Худяков, публикуя материалы могильников Ныргында I и II из раскопок А.А. Спицына, датировал пьяноборскую культуру II в. до н.э. – V в. н.э. и включил в нее все памятники Прикамья указанного периода, включая Верхнее Прикамье (Худяков, 1933, с. 16). Все известные материалы по пьяноборской культуре были обобщены А.П. Смирновым, который определил время ее существования III в. до н.э. – V в. н.э., так же отнес к ней все древности Прикамья этого периода (Смирнов, 1952, с. 68–82).

Начиная с 1950-х гг. в Прикамье проводили раскопки экспедиции многих научных центров: Башкирского, Удмуртского, Казанского и др. Были открыты и исследованы многие памятники пьяноборского времени. Особенно велик вклад в разработку этой проблематики В.Ф. Генинга, под руководством которого были раскопаны поселения (Чеганда I, Барановское) и могильники (Чеганда II, Ныргында II, Азелино, Суворово, Мазунино). Это дало возможность В.Ф. Генингу создать собственную концепцию развития пьяноборской общности.

В своих первых работах В.Ф. Генинг, увлекшись яркостью памятников удмуртского Прикамья, счел пьяноборскими только памятники этого региона и левобережные в низовьях Белой (Генинг, 1962). К 1970 г. он признал, что удмуртское Прикамье лишь часть пьяноборского «айсберга», и выдвинул новое положение, согласно которому пьяноборской называлась вся послепьяноборская

эпоха, по сути, вернувшись к концепции А.П. Смирнова. В пределах пьяноборской эпохи (III в. до н.э. – II в. н.э.) он предложил выделить четыре культуры: *гляденовскую* (Верхнее Прикамье), *осинскую* (Средняя Кама), *чегандинскую* (удмуртское Прикамье и низовья Белой) и *кара-абызскую* (Средняя Белая) (Генинг, 1970, с. 8; 1988, с. 29). От явно пьяноборского массива В.Ф. Генинг отделил памятники удмуртского Прикамья в особую мазунинскую культуру, датировав ее III–IX вв. (Генинг, 1967, с. 35), а также памятники III–V вв. бассейна р. Вятки, выделив их в азелинскую культуру (Генинг, 1963). Однако эти предложения вызвали справедливую критику со стороны некоторых ученых (Смирнов, 1964). Учитывая, что в последней обобщающей работе (1988, с. 201–277) В.Ф. Генинг писал уже о пьяноборской культурно-исторической и этнокультурной области III в. до н.э. – II в. н.э., можно сказать, что со временем его взгляды существенно приблизились к оценкам А.П. Смирнова.

В 1970–80-е гг. в связи с подготовкой ложа Нижнекамской ГЭС шло интенсивное накопление материалов пьяноборского времени казанскими (П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, А.Х. Халиков, Р.С. Габяшев, Р.Г. Фаттахов), уфимскими (С.М. Васюткин, Н.М. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк, Ю.А. Морозов, В.А. Иванов, Г.И. Матвеева, Б.Б. Агеев, В.К. Калинин и др.), свердловскими (В.Ф. Генинг, В.В. Одинцов, Л.И. Ашихмина) и ижевскими (Т.И. Останина, Р.Д. Голдина, Г.Н. Клюева, Т.К. Ютина) археологами.

Новые материалы позволили Б.Б. Агееву в монографическом исследовании (Агеев, 1992) охарактеризовать могильники этого времени и уточнить некоторые положения, выдвинутые В.Ф. Генингом. Б.Б. Агеев датировал культуру II в. до н.э. – III в. н.э., вернув ей прежнее название – пьяноборская.

Широкие исследования, проведенные Камско-Вятской археологической экспедицией на могильниках удмуртского Прикамья (Тарасово, Афоново, Ныргында II, Усть-Сарапулка и др.), северо-восточной Татарии (Икский) и особенно Кировской области (Ошки, Первомай, Худяки, Кордон и др.) позволили выдвинуть новую концепцию развития прикамских культур в послеананьинское время (Голдина, 1987, с. 10–15). Согласно ей в конце своего существования *ананьинская* общность разделилась на две – *гляденовскую*, занимавшую территорию преимущественно Верхнего Прикамья, Сред-

ней и Верхней Вычегды и верховий Печоры, и *пьяноборскую* в Среднем и Нижнем Прикамье, низовьях Белой и на Вятке. Это разделение свидетельствовало о распаде общепермской основы на две части: коми и удмуртов. Принципиально новым было несколько положений. Гляденовская культурная общность уже не входила в состав пьяноборской, как считали М.Г. Худяков, А.П. Смирнов и В.Ф. Генинг, а занимала вполне самостоятельное положение. Пьяноборская общность включала в себя чегандинскую культуру (удмуртское Прикамье, прилегающую к нему часть Татарии и низовья Белой), кара-абызскую (среднее течение р. Белой) и худяковскую (бассейн р. Вятки). Дата пьяноборской общности III в. до н.э. – V в. н.э. Работы последних лет в целом отражают правильность этой гипотезы. Ранняя дата общности спорна.

Стремление выделить на прикамских материалах более дробные, в два-три столетия археологические культуры (Генинг, 1958; 1959; 1967; 1988, рис. 1), представляется неоправданным. Отделение этих культур от предшествующих связано с тогдашними представлениями В.Ф. Генинга о резкой смене культур Прикамья в III в. н.э. в результате притока сюда нового населения западносибирского происхождения (Генинг, 1959, с. 182–184; 1967, с. 48–51). «Мазунинские племена, вторгшись в III в. на правобережье Камы в районы пьяноборского расселения, вытеснили последних на запад в низовья Камы, где мы находим их в азелинской культуре» (Генинг, 1959, с. 201). Однако в 1972 г. он писал: «... может быть, мазунинские племена также пришли в Прикамье из каких-либо других областей? Думаю, что нет. Это прикамское население, о чем свидетельствует целый ряд традиций в погребальном обряде... керамика... и антропологический тип населения, чрезвычайно близкий пьяноборскому...» (Генинг, 1972, с. 240). Таким образом, оснований для разграничения прикамских культур в III в. нет – мощный приток нового населения в это время не зафиксирован. Более того, Тарасовский могильник I–V вв. убедительно демонстрирует плавное развитие населения Среднего Прикамья. Следовательно, поздний рубеж пьяноборской эпохи в Прикамье нужно проводить по концу V столетия. Культуры же III–V вв., выделенные В.Ф. Генингом, продолжали линию развития культур пьяноборского типа, представляя поздний этап их развития. На территории северо-западной Башкирии пьяноборская общность существовала до VIII вв.

Сегодня археология Прикамья располагает совсем другими источниками, по сравнению с временами А.П. Смирнова и В.Ф. Генинга. В некоторых вопросах концепции сблизилась, в других – стали более обоснованными и четкими. Пьяноборско-гляденовская эпоха (II в. до н.э. – IV/V вв. н.э.) – это археологическая реальность. В ней четко обозначились две общности: пьяноборская (южная) и гляденовская (северная). Первая представлена кара-абызской, чегандинской, худяковской культурами (рис. 1) (Голдина, 1999, с. 206–277), вторая – гляденовской (пермское Прикамье), пиджской и джудждыгьягской (Северное Приуралье) (Васкул, 1997). Красноярский вариант (культура) – образование переходное между пьяноборской и гляденовской территориями.

Поскольку у некоторых исследователей до сих пор нет четкого понимания использования дефиниций общностей и культур южного Прикамья рубежа эр и первой половины I тыс. и терминологическая путаница продолжается, мы решили предпринять попытку обоснования существования пьяноборской культурно-исторической общности и входящих в нее культур. Речь пойдет о развитии и позднем пьяноборье, поскольку ранняя его стадия II–I вв. до н.э., вследствие скудости источников, требует отдельного анализа.

Сейчас появилась реальная необходимость замены термина «чегандинская культура». После открытия и изучения уникального Тарасовского могильника, содержащего 1880 могил и функционировавшего на протяжении всей первой половины I тыс. н.э., стало очевидным, что могильник Чеганда II не соответствует роли опорного памятника этой культуры. Более целесообразно называть этот вариант пьяноборской общности не чегандинским, а тарасовским.

Тарасовская культура занимала территорию Среднего Прикамья и прилегающего устья р. Белой. Южная граница проходила южнее устья р. Быстрый Танып, юго-западная включала бассейн р. Ик, северная шла по широте г. Сарапула. В III–V вв. ее границы значительно расширились: на северо-восток – до г. Чайковского, на северо-запад – включая бассейн р. Иж и на юго-восток – до устья р. Бирь. Юго-восточная граница требует уточнения. По последним данным в развитии тарасовской (чегандинской) культуры выделяются 3 этапа: ранний, икский (II–I вв. до н.э.), средний, ныргындинский (I–II вв. н.э.) и поздний, мазунинский

(III–V вв. н.э.) (Голдина, 1999, с. 225–226; Голдина и др., 2015, с. 5).

Одним из главных оснований определения своеобразия археологических общностей являются особенности глиняной посуды. Начало профессионального изучения керамики пьяноборского времени связано с именем В.Ф. Генинга. Им в 1959 г. была защищена кандидатская диссертация «История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху (чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.))», в которой он впервые собрал все доступные ему коллекции глиняной посуды из городищ Чеганда I, Ныргында II, селищ Уяндык и Барановского (1759 сосудов) (Генинг, 1970, с. 84–88). Им была выполнена подробная характеристика этого комплекса: выделены девять вариаций круглодонных форм посуды, объединенных в три типа (Генинг, 1970, рис. 18), обозначены наиболее популярные размеры сосудов, особенности их примесей, обработки поверхности, орнаментальных узоров. Для своего времени это была добротная выполненная работа. Посуда из могильников тогда не была известна (кроме одного сосуда из Ныргынды II, рис. 2: 8).

Небольшие серии глиняной посуды были получены Р.Д. Голдиной с Быргындинского V (22 сосуда) (Голдина, 1976, с. 78–80), Г.Н. Ключевой с Быргындинского IV поселений (7036 фрагментов) (Ключева, 1984, с. 24–28), а также Д.Г. Бугровым с Тойгузинского II городища (6633 фрагмента, в том числе 752 от верхних частей) (Бугров, 2006, с. 91).

Поселения пьяноборского времени Башкортостана исследованы значительно лучше, чем правобережные. По этой проблеме многое сделано В.А. Ивановым. В 1978–1979, а также в 1983 и 1989 гг. В.А. Ивановым, Б.Б. Агеевым, В.Н. Васильевым и Г.Т. Обыденновой было исследовано Серенькино городище у д. Трикол. Материалы опубликованы В.А. Ивановым (2003, с. 199–203). На памятнике собраны 7000 фрагментов от 555 сосудов: позднеананьинского (8,1%), пьяноборского (87,2%) и бахмутинского (4,7%) времени. Пьяноборская посуда – круглодонные сосуды, диаметром 10–26 см, с примесью толченой раковины в тесте, низкогорлые слабопрофилированные с отогнутой или прямой шейкой или открытые чаши, украшенные рядами редких круглых ямок. Посуда имеет сходство с керамикой городища Петер-Тау (Юлдашевско-

го) по метрическим параметрам 60,8% и по формам – 73,8%. По материалам сопутствующего Трикольского могильника (35 захоронений) комплекс памятников датирован III–II вв. до н.э. (Иванов, 2003, с. 206).

Значительная выборка керамики пьяноборского времени была получена при раскопках Юлдашевского (Петер-Тау) городища в низовьях р. Белой Ф.Д. Нефедовым, В.Ф. Генингом, С.М. Васюткиным, В.С. Горбуновым, Б.Б. Агеевым, А.Х. Пшеничнюком, В.А. Ивановым. Материалы обобщены В.А. Ивановым (1982). Коллекция глиняной посуды насчитывает более 4500 фрагментов, из которых выделено 700 сосудов: 46 позднеананьинских, украшенных ямками и оттисками шнура, 336 пьяноборского времени и 318 бахмутинских. Наиболее крупные фрагменты (102 пьяноборских и 90 бахмутинских) были проанализированы В.А. Ивановым по методике В.Ф. Генинга (Генинг, 1973).

Пьяноборский комплекс охарактеризован как круглодонные горшки с диаметром устья преимущественно 20–25 см, с отогнутыми наружу, прямыми или наклоненными внутрь шейками, колоколовидные чаши, миски и непрофилированные чаши, с примесью раковины в тесте. Большинство сосудов украшены горизонтальным пояском круглых ямок по шейке (77,5%), а также насечками и защипами по венчику. В.А. Иванов отмечает значительное сходство (52,1%) пьяноборской посуды с бахмутинской и предполагает существование между ними генетической связи (Иванов, 1982, с. 206–207, табл. 2).

Небольшие раскопки в 1968 г. были проведены А.Х. Пшеничнюком на Уяндыкском городище (Пшеничнюк, 1986, с. 31). Были обнаружены 200 фрагментов от 32 круглодонных горшков с примесью раковины в тесте, с прямой шейкой и слабо раздутым туловом, а также 3 закрытых чаши. Орнамент состоял из одного или двух рядов ямок по шейке, в одном случае дополненных двумя рядами оттисков шнура. По материалам близлежащих могильников памятник датируется III–II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1986, с. 42, 43).

Больше «повезло» глиняной посуде памятников мазунинского времени (III–V вв.). Т.И. Останина исследовала 735 крупных обломков от графически реставрируемых сосудов по методике, предложенной В.Ф. Генингом (Генинг, 1973). Посуда происходит из Сосновского, Постольского, Чужьяловского (удмуртское Прикамье, раскопки Т.И. Останиной) и Казакларовского I

(раскопки В.А. Иванова, Т.И. Останиной), Юмакаевского (раскопки Н.А. Мажитова и Г.И. Матвеевой), а также Барязского (раскопки В.А. Иванова) (северо-западная Башкирия) городищ. Ею отмечена круглодонность посуды, выделены по форме 4 типа: I – горшки с отогнутой шейкой; II – горшки с вертикальной шейкой; III – горшки с закрытым устьем и IV – непрофилированные чаши. При этом дана характеристика основных показателей глиняной посуды, отмечено сходство с посудой из синхронных могильников и обоснована принадлежность их к одному культурному массиву (Останина, 1997, с. 98–101).

Небольшая коллекция керамики мазунинского времени происходит с Яромасского городища возле г. Сарапула (25 крупных фрагментов) (Казанцева, 1987, с. 138–142). В.Ф. Генинг оставил также небольшое сообщение о 152 фрагментах шеек и 35 днищ от сосудов мазунинского времени с городища Чеганда I (Генинг, 1967а, с. 146–151).

Таким образом, всесторонний анализ глиняной посуды поселений тарасовской (чегандинской) культуры представляет собой одну из актуальных задач приуральской археологии. К сожалению, до сих пор такой работы нет. Характеристика керамики отдельных памятников выполнена качественно, на современном научном уровне, общие признаки просматриваются довольно четко, но для выяснения локальных особенностей необходимо детальное сопоставление всех признаков этих материалов. В целом, поселенческая посуда этой культуры лепная, круглодонная, представлена различными вариациями горшков, мисок и чаш. Особенно популярны горшки и миски с блоковидной или прямой горловиной и непрофилированные чаши. Размеры сосудов по горловине от 10 см и более, наиболее популярны диаметры 16–25 см. В качестве примесей использовались толченая раковина, растительные остатки, реже – песок и шамот. Орнамент скуден – ряд круглых ямок по шейке, насечки и защипы по венчику. Наблюдаются локальные различия в примесях к глиняному тесту. В целом, посуда достаточно единообразна.

Изучение керамических комплексов могильников этого времени началось работой Б.Б. Агеева «Пьяноборская культура», в которой этому источнику посвящены полстраницы текста. Автор разделил известные ему 44 сосуда из могильников Афонино, Нырғынды I, Деуково II, Кушулево III, Ново-Сасыкуль, Юлдашево, Меллятамак I на 4 типа: 1 – чаши с уплощенным или окру-

глым туловом; 2 – плоскодонные горшки; 3 – кувшины с ручками; 4 – круглодонные горшки. При этом он указал, что типы 1 и 4 являются местной прикамской посудой, имеющей аналогии в гляденовской и карабызской культурах, а плоскодонные горшки и кувшины происходят из самого южного памятника – Ново-Сасыкульского могильника и свидетельствуют о контактах прикамских племен с южными районами (Агеев, 1992, с. 50). Выборка Б.Б. Агеева представляет преимущественно башкирские материалы.

Т.И. Останина проанализировала известные ей 39 целых, преимущественно круглодонных, сосудов как из право - (Ижевск, Нива и Усть-Сарапулка могильников), так и левобережных (Ангасяк, Бахмутино, Бирск, Старо-Кабаново, Югомашево и др.) некрополей, разделив их на 3 типа (Останина, 1997, с. 80): 1 – круглодонные горшки со слабопрофилированной шейкой; 2 – подобные с цилиндрической (прямой) шейкой; 3 – чаши с открытым или закрытым устьем.

Заслуживает всяческого одобрения работа А.А. Красноперова (2010), в которой он собрал сведения о 277 сосудах (из них 150 целых форм) из 250 погребений и внемогильного пространства около 80 могильников пьяноборского и мазунинского времени. Автор интуитивно правильно объединил их вместе, что подтверждает нашу мысль об однокультурности пьяноборской (по А.А. Красноперову) и мазунинской керамики. Им проделана огромная работа по классификации их по форме: рисунки скомпонованы именно по этому принципу и прекрасно иллюстрируют сходство форм из разных памятников, но в тексте это не отражено. А.А. Красноперов обещал опубликовать выводы по собранному им массиву источников (Красноперов, 2010, с. 83, прим. 6), но пока этого не последовало. Однако несколько важных заключений им были сделаны. А.А. Красноперов утверждал, что посуда обеих хронологических групп: пьяноборье и мазунино имеет однотипные формы, а в орнаментации наблюдается некоторое отличие поздних (мазунино) от ранних (пьяноборье), что позволяет проследить хронологию керамики (Красноперов, 2010, с. 83). Но далее следуют противоречащие вышеизложенным выводы (Красноперов, 2010, с. 107): «пьяноборская и мазунинская керамика не может являться дифференцирующим признаком» и «в настоящий момент мы не можем определить характерные особенности пьяноборской и мазунинской керамики».

Автор выстроил динамику изменения состава теста: «раковина → шамот → органика → песок → галька (наиболее поздняя примесь)». Судя по обозначенным стрелкам, именно в такой последовательности по нарастающей использовались примеси к тесту.

Глиняная посуда правобережья р. Камы из Тарасовского, Тураевского I, Покровского, Усть-Сарапульского, Ижевского, Икского могильников проанализирована О.А. Казанцевой (1996).

В итоге, следует констатировать, что керамика тарасовской (чегандинской) культуры, включая мазунинскую, еще ждет своих исследователей. Комплексы изучены разными учеными по различным методикам, даже погребальная и поселенческая посуда мазунинского времени оценивалась Т.И. Останиной по-разному и они плохо сопоставимы, в целом нет четкого деления на типы и соответственно существует значительная терминологическая путаница (разные авторы по-своему понимают и используют понятия – «горшок, миска, чаша и др.», хотя существует множество работ, где эти термины четко определены (Генинг, 1973; Хлебникова, 1984; Голдина и др., 2011 и др.). Но, несмотря на эти субъективные недостатки, бесспорно, что эта глиняная посуда имеет ряд особенностей, позволяющих четко отделять ее от керамики синхронных близлежащих культур.

Посуда могильников тарасовской (чегандинской) культуры выполнена без гончарного круга и отличается круглодонностью (рис. 3: 2, 3, 10, 12; 4: 1–14, 16–22 и др.), хотя имеются и экземпляры с уплощенным дном (рис. 3: 2, 7, 15, 16 и др.). В большей степени последнее характерно для бельского варианта (рис. 3: 1, 5–7, 15 и др.). Существует несколько типологий (Т.И. Останина, О.А. Казанцева), из которых можно выделить три типа посуды: горшки (рис. 3: 1–3, 5, 11, 12, 14 и др.), миски (рис. 3: 6, 8, 9; 4: 3, 4, 7, 9 и др.) и чаши (рис. 3: 4, 15, 16, 19, 21 и др.). О.А. Казанцева выделяет еще переходные формы и отмечает, что четких стандартов форм посуды не было, мастера действовали преимущественно интуитивно (Казанцева, 1996, с. 15).

По профилированности верхней части у горшков и мисок возможно обособление вариантов: с блоковидной горловиной (рис. 3: 1, 7; 4: 1–5 и др.) или прямой (рис. 3: 12; 4: 13, 14, 16) и без выраженной шейки с прямым или закрытым устьем (рис. 3: 9, 11, 14; 4: 15, 18, 19 и др.). Чаши могут быть с

открытым (рис. 3: 4, 15, 16, 19, 21 и др.) или закрытым устьем (рис. 4: 17; 5: 8 и др.).

В редких случаях наблюдается заметное ребро-уступ в средней части сосуда (рис. 3: 1; 4: 20; 5: 4; 6: 10, 13, 14), встречающееся как на посуде I–II вв. (рис. 4: 20), так и IV–V вв. (рис. 5: 4). В единственном экземпляре в Тураевском бескурганном могильнике обнаружен сосуд с двумя ручками и отверстиями в них для подвешивания (рис. 5: 5).

Уникален именьковский плоскодонный горшок с примесью шамота в тесте, с блоковидной горловиной и максимальным расширением в его средней части (рис. 5: 1).

Исследователи фиксируют миниатюрность посуды. О.А. Казанцева приводит сведения о высоте большинства сосудов: 1,5–15 см и единичных случаях высотой 16–23 см (Казанцева, 1996, с. 19). Т.И. Останина сообщает, что большая часть изученной ею посуды имела диаметр до 10 см – 28 экз., 82,4%; 11–15 см – 4 экз., 11,8% и 16–25 см – 2 экз., 5,8% (Останина, 1997, с. 80).

Исследование способов изготовления сосудов, проведенное О.А. Казанцевой, выявило четыре основных технологии: 1 – изготовление днища и тела сосуда лоскутным налепом; 2 – изготовление днища лоскутным, а тела сосуда лоскутно-комковатым способом; 3 – изготовление донно-емкостного начина, а конструирование полого тела лоскутным налепом; 4 – создание донного монолитного начина при лоскутном налепе полого тела. Возможны и некоторые другие варианты технологических приемов. Поверхность сосудов подвергалась механической обработке: заглаживанию, лощению, выбиванию, обвариванию для придания сосудам особой прочности.

О.А. Казанцевой (1996, с. 10–11) выяснено, что для изготовления посуды использовалась местная природная ожелезненная глина высокой пластичности. В нее добавляли измельченные обломки раковин пресноводных моллюсков, шамот, сухую глину, кальцинированные кости. Чаще всего использовался в качестве примеси птичий помет. Этот рецепт существовал как на протяжении всей первой половины I тыс. н.э., так и, по-видимому, до и после этого времени. Зафиксированы и другие рецепты: «глина+птичий помет+сухая глина», «глина+раковина», «глина+птичий помет+шамот».

По поводу примесей к глиняному тесту керамики мазунинского времени Т.И. Останина (1997, с. 99–100) считает, что для каждого памятника их состав был индивидуален.

В частности, для Чужьяловского городища характерна примесь толченых раковин, для Постольского – добавки растительности и песка или раковины, редко – растительности, для Казакларовского I – примеси песка и мелкой гальки, для Барьязинского – песка, гальки, реже – раковины и шамота.

Обжиг посуды – костровой, что проявилось в различной прокаленности стенок сосудов, а также пятнах разного цвета на их поверхности. По данным О.А. Казанцевой, посуда обожжена при температурах менее 470°C (1996, с. 19).

Орнаментирована посуда скудно. Процент орнаментации по данным Т.И. Останиной составил 33,6% (1997, с. 80), О.А. Казанцевой – 38,5% (1996, с. 13). В основном украшена шейка сосудов одним (рис. 2: 1–6; 3: 13, 14, 25 и др.) или двумя (рис. 6: 4, 11, 18, 19) горизонтальными рядами редких круглых, треугольных или ромбических ямок, реже оттисками ногтей, гребенчатого (рис. 3: 12) или гладкого (рис. 4: 13, 19; 5: 3) штампов. Выделяются несколько сосудов оригинальной формы – с прямой шейкой (рис. 3: 12; 4: 13) или кувшинообразной (рис. 5: 5), украшенные по верхней части тулова фестонами, нанесенными гребенчатым штампом или псевдогребенкой – отдельными, близко поставленными наколами. В целом орнамент керамики тарасовской культуры отражает фазу ремиссии после нарядной ананьинской. Можно отметить, что в процессе развития культуры от ее среднего этапа к позднему орнамент сосудов несколько усложнился: один ряд ямок сменился несколькими и появились оттиски специального гладкого штампа, гребенки. О.А. Казанцева на материалах Тарасовского могильника также отметила большее разнообразие орнамента IV–V вв. по сравнению с предшествующим временем (Казанцева, 2011, с. 55–62).

Худяковская культура занимала нижнее и среднее течение р. Вятки от г. Слободского на севере, г. Кирово-Чепецка – на северо-востоке, на западе достигала среднего течения р. Пижмы, правого притока р. Вятки, на востоке включала низовья р. Кильмезь, Нижнее Прикамье, захватывая марийское левобережье р. Волги и приустьевую часть р. Камы на правом берегу р. Волги.

Культура выделена Р.Д. Голдиной в 1987 г., более обстоятельно описана ею в 1999 г., всесторонний анализ ее памятников был выполнен Н.А. Лещинской (2014). Название культура получила по Худяковскому могильнику III–IV вв., расположенному

на правобережном притоке р. Вятки – Пижме. Это один из самых крупных исследованных могильников этого времени на Вятке (120 могил) и по характеру материальной культуры более всего соответствует особенностям местного финского населения. Широко используемый ранее термин – азелинская культура – отражает преимущественно культуру пришлых военизированных групп (III–IV вв.). В худяковской культуре Н.А. Лещинской выделены 2 этапа: ошкинский (I – начало III в. н.э.) и азелинский (III–V вв. н.э.) (Лещинская, 1995, с. 17; 2014, с. 175–176).

Глиняная посуда худяковской культуры близка среднекамской. Н.А. Лещинская отмечает ее отсутствие в могилах I–II вв. и редкость – в III–V вв. (Лещинская, 2014, с. 76–77). На Вятке сосуды обнаружены в захоронениях могильников: Худяки и Тюм-Тюм – по 3 экз.; Кордон – 1; Первомай – 5, а также фрагменты из засыпи захоронений и межмогильного пространства этих памятников. Основные формы те же, что в тарасовской культуре: горшки (рис. 7: 3–7, 9, 13, 15), миски (рис. 7: 2, 8, 10), открытые (рис. 7: 1, 11, 12) или закрытые (рис. 7: 14) чаши. По профилированности верхней части горшки и миски делятся на варианты: с блоковидной горловиной (рис. 7: 5, 7), с прямой шейкой (рис. 7: 2, 4, 8, 9) и без выраженной шейки: с прямой горловиной (рис. 7: 3, 13, 15) или закрытым устьем (рис. 7: 6, 10). Зафиксирован и сосуд с заметным ребром в средней части (рис. 7: 8). Основная примесь к тесту – толченая раковина, органика и редко – мелкий шамот. Основная масса посуды имеет небрежно обработанную поверхность, но встречаются и экземпляры с тщательно заглаженной поверхностью. На посуде Первомайского могильника отмечен орнамент в виде оттисков многорядового шнура и «подковок» по шейке (рис. 7: 6, 8, 9), а также гребенчатого штампа и насечек по венчику (рис. 7: 5, 6, 8).

На Рождественском V могильнике в низовьях р. Камы в захоронениях обнаружены 3 целых сосуда и в трех – фрагменты. Большая часть их представляли собой низкие чаши со слегка уплощенным (рис. 7: 1) дном. Обращает на себя внимание горшок с плоским дном из погребения 271, орнаментированный двумя прочерченными линиями по плечу. Примеси в тесте – песок и растительные остатки. (Старостин, 2009, с. 57, рис. 46: 8). Этот сосуд, скорее всего, свидетельство контактов с соседями – поволжскими финнами. В

других случаях примеси в тесте – ил и растительные остатки. В могильнике у с. Нармонка в устье р. Камы, на ее правом берегу в одной могиле найден сосуд и в двух – фрагменты. П.Н. Старостин отмечал, что по примесям в тесте, обработке поверхности, цвету и орнаменту посуда близка памятникам азелинского круга (Старостин, 2002, с. 34). Сосуд из могилы 3 абсолютно тождественен предметам из Худяков и Кордона (рис. 7: 12, 14).

Из памятников Марийского Поволжья происходят несколько лепных сосудов, из которых неплохую сохранность имеют 2: из могилы 38 Мари-Луговского некрополя (рис. 7: 4) и погр. 15 Арзобелякского (рис. 7: 6). Оба предмета – округлодонные сосуды без четко или со слабо выраженной шейкой, с примесью дресвы и шамота (Никитина, 1999, с. 30, 69). По мнению А.Х. Халикова горшок из Мари-Луговского могильника по форме и составу теста близок сосудам IV–V вв. из Буйского и Кубашевского городищ (Халиков, 1962, с. 178). Таким образом, посуда худяковской культуры обладает всеми признаками пьяноборской общности: круглодонные миски и чаши, чаще – без орнамента, примеси – в виде толченой раковины, растительных остатков, реже – шамота (Вятка), растительных остатков, песка, ила (Нижняя Кама), мелкого шамота, иногда дресвы (Марийское Поволжье). Но есть и особенности: большая доля непрофилированной посуды, отсутствие ямочных узоров, присутствие шнурового орнамента.

Кара-абызская культура располагалась на правобережье среднего течения р. Белой от устья р. Бирь до устья р. Усолки. Долгое время (60-е – 90-е гг.) ее исследованием занимался А.Х. Пшеничнюк (Пшеничнюк, 1964, 1973, 1982 и др.), который датировал ее IV в. до н.э. – III в. н.э. и делил на 4 этапа: I этап – IV–III вв. до н.э.; II этап – III–II вв. до н.э.; III этап – I в. до н.э. – II в. н.э.; IV этап – конец II–III в. н.э. (Пшеничнюк, 1973, с. 170–175). В.Ф. Генинг предлагал начало кара-абыза относить к III–II вв. до н.э. (Генинг, 1988, с. 62–63), поздняя дата сейчас определяется как середина IV в. н.э. (Овсянников и др., 2007, с. 83).

Наиболее выразительный комплекс керамики кара-абызской посуды был получен при раскопках Шиповского курганно-грунтового могильника (IV/III вв. до н.э. – конец III в. н.э.), проводившихся в конце 60-х–70-х гг. А.Х. Пшеничнюком (Пшеничнюк, 1976, с. 35–131), а в

1989–1994 гг. – И.М. Акбулатовым, В.Н. Васильевым, В.В. Овсянниковым (Овсянников и др., 2007). В результате на памятнике изучено около 30 курганов и 329 грунтовых захоронений.

Курганная часть датирована IV–I вв. до н.э., грунтовая – I–III вв. н.э., возможно, началом IV в. (Пшеничнюк, 1976, с. 74–75, 77; Овсянников и др., 2007, с. 81–82, 83). В курганной части собрано 59 сосудов: из них 56 лепных и 3 гончарных. Выделены 19 горшков гафурийского типа с примесью талька, 4 курильницы, 2 гончарных горшка и комплекс посуды финно-угорского типа (Овсянников и др., 2007, с. 75–78). Последний разделен Н.С. Савельевым на 2 группы: круглодонные горшки (23 экз.; рис. 8: 1–3, 5, 7, 8) и чаши (8 экз.; рис. 8: 4, 6, 9). Этот комплекс выделяется среди других примесями к глиняному тесту: толченой раковины, органикой, иногда – шамотом и песком. Основная масса посуды не украшена. Один горшок украшен пояском из насечек (рис. 8: 10), другой – прочерченным зигзагом. Два сосуда имеют налепные ручки (рис. 8: 7).

Глиняная посуда бескурганных могил (судя по рисункам, не менее 20 экз.), по мнению Н.С. Савельева, принадлежит к убаларскому типу, по форме напоминает вышеописанную, но отличается примесями – мелким песком и дресвой (Овсянников и др., 2007, с. 78–79). Формы ее: круглодонные горшки (рис. 8: 17), миски (рис. 8: 11, 13–16, 27 и др.) и чаши (рис. 8: 22–26 и др.). Орнамент более разнообразен: не только горизонтальные ряды треугольных, линзовидных или фигурных (рис. 8: 15, 19, 21, 26) вдавлений, а также прочерченные линии по шейке (рис. 8: 13, 17). А.Х. Пшеничнюк, проанализировав погребальный обряд и сопровождающий инвентарь, пришел к выводу о принадлежности как курганной, так и грунтовой части Шиповского могильника к кара-абызской культуре (Пшеничнюк, 1976, с. 120). Убаларский тип керамики он рассматривал как локальный и хронологический вариант кара-абыза (там же, с. 125). Глиняная посуда Шиповского могильника на протяжении нескольких столетий сохраняла определенные черты, присущие прикамским культурам пьяноборского облика: сделана без гончарного круга, круглодонная, наличие неизменных форм: горшков, мисок, чаш, скудость орнамента в виде вдавлений, насечек, ямок, на поселениях – редко гребенки и оттисков шнура. Обращает на себя внимание повторяемость форм посуды как курганной (рис. 8: 1–10), так и бескурганной

(рис. 8: 11–27) частей Шипово, изменился лишь состав примесей: у ранних толченая раковина, органика, иногда шамот и песок, у поздних – мелкий песок и дресва. Увеличение примесей песка и гальки также отмечено Т.И. Останиной для глиняной посуды могильников мазунинского типа (1997, с. 80).

Глиняная посуда кара-абызских поселений имеет те же формы, но более разнообразный орнамент: в большинстве это поясок крупных круглых ямок, или вдавлений и глубоких насечек. Известны также оттиски крупногребенчатого штампа и шнура (Пшеничнюк, 1973, с. 203). Исследования последних лет подтверждают эту характеристику. В частности, на Шиповском городище Н.С. Савельевым собрана небольшая (35 сосудов) выборка кара-абызской керамики: круглодонные горшки и чаши с примесью дробленой раковины, единично – песка, дресвы, шамота и органики, орнаментированные пояском вдавлений по шейке и насечками по венчику (Савельев, 2009, с. 135).

Таким образом, кара-абызский комплекс глиняной посуды обладает общими признаками с другими культурами пьяноборской общности: круглодонностью, тем же набором форм: горшки, миски, чаши; теми же примесями, скудностью орнамента в виде горизонтальных рядов ямок, различных вдавлений, насечек и редко – оттисков гребенки и шнура. Особенности же проявляются в присутствии плоскодонных форм сосудов, более разнообразном орнаменте, что объясняется воздействием гафурийской и сарматской культур.

Что касается анализа погребального обряда могильников пьяноборской общности, то дело обстоит совсем неплохо. Благодаря ученым многих научных центров исследованы в больших масштабах множество могильников, опубликованы их материалы и проведена серьезная аналитическая работа.

Первые для своего времени профессиональные характеристики погребального обряда пьяноборской (чегандинской – по В.Ф. Генингу, тарасовской – по Р.Д. Голдиной) были выполнены В.Ф. Генингом (1970) и Б.Б. Агеевым (1992). Они во многом тождественны, но поскольку работа Б.Б. Агеева подготовлена через 25 лет после монографии В.Ф. Генинга, в ней использован больший материал и содержатся некоторые коррективы деталей погребального обряда населения этого времени.

Важной вехой в изучении этой темы для памятников III–V вв. является исследование Т.И. Останиной, посвященное памятникам

мазунинского этапа тарасовской культуры (мазунинской культуры – по Т.И. Останиной). Ею был статистически изучен погребальный обряд 11 могильников этого типа и выяснена степень их сходства на уровне 0,83–1,0 (Останина, 1997, табл. 40). Подобным же образом ею был исследован сопровождающий погребальный инвентарь, и вновь была подтверждена высокая степень его сходства с другими могильниками этого типа (Останина, 1997, с. 172–173, табл. 39, рис. 81).

Наиболее полная информация о погребальном обряде тарасовской культуры содержится в материалах эпонимного Тарасовского могильника, содержащего 1880 захоронений I–V вв. н.э. (Голдина и др., 2015). Анализ погребальной обрядности этого памятника показал единство исследуемого массива и плавное эволюционное нарастание или угасание некоторых признаков обряда. Могилы располагались рядами и группами, преимущественно ориентированы в меридиональном направлении, но выделяются кусты с иной ориентировкой. Типичное погребение – одиночное грунтовое захоронение по способу труположения без сохранившихся надмогильных сооружений. Размер и форма ямы зависели от возраста захороненного. Умершие уложены в гробовища или колоды. Обычная поза – вытянуто на спине, руки – вдоль тела или согнуты в локтях. Антропологически определены 588 женских захоронений, 359 мужских и 171 детских (до 12 лет). Преобладающий возраст смерти людей – 17–29 лет (26,8%) и 30–45 лет (13,2%). Общая продолжительность жизни взрослых людей составила 29,8 года, мужчин – 31,3 года, женщин 28,2 года. Планиграфическое распределение мужчин и женщин подтверждает семейный принцип захоронения умерших.

74,4% всех могил содержит погребальный инвентарь. В его расположении главенствуют 3 тенденции: первая – часть вещей располагались на костюме так, как использовалась при жизни; вторая – пояса и гривны были развернуты и уложены вдоль тел погребенных; третья традиция – класть у головы или ног умерших подарочные наборы, включающие 2 и более предмета, чаще всего бусы и височные подвески. Количество видов инвентаря в могилах колеблется от 1 до 17. Для женских захоронений характерны височные подвески, бусы, бисер, фибулы, браслеты, гривны и т. п., для мужских – мечи, наконечники стрел и копий, боевые косы, колчаные крючки, ножны, застежки.

Сопоставление материалов погребальной обрядности ранней (I–II вв.) и поздней (III–V вв.) частей могильника в совокупности с анализом планиграфии размещения разных категорий инвентаря позволили выявить общие и особенные черты, присущие обеим стадиям. Очевидно, площадка памятника заполнялась захоронениями равномерно с юга на север. К ранним погребениям относятся около $\frac{1}{3}$ всего массива датированных могил, к поздним – $\frac{2}{3}$ от выборки. От ранних к поздним наблюдается рост числа погребений с подарочными наборами, уменьшение количества безынвентарных захоронений. Как в ранних, так и в поздних погребениях встречались: ножи, височные подвески, пронизки, перстни, удила, пряслица. Количественная и типологическая представленность этих находок в ранних и поздних погребениях различается, увеличиваясь, уменьшаясь или исчезая со временем. В I–II вв. преимущественно использовались застежки с неподвижным крючком, сьюльгамы, подвески. В III–V вв. появились поясные наборы с металлической гарнитурой, накладки-раковины, фибулы, боевые косы, пинцеты, точила, металлургические заготовки. Изменения в материальной культуре за время функционирования памятника отражают эволюцию экономики, общественного устройства, военного дела, торговли.

Для поздней, мазунинской стадии отмечен значительный прирост населения. В поздней группе могил появился новый тип захоронений – глубокие богатые погребения воинов-всадников с большим количеством разнообразного вооружения и другими статусными вещами. Эта тенденция присуща не только Тарасовскому могильнику, но и ряду других синхронных памятников, что указывает на полную включенность тарасовского населения в общеисторические процессы, затрагивающие весь Камский регион.

Для выяснения места Тарасовского могильника в пьяноборской культурно-исторической общности был предпринят статистический анализ признаков погребального обряда 17 синхронных могильников Среднего Прикамья. Критерием отбора была максимальная информативность материалов памятников. Хронологический диапазон привлекаемых для анализа могильников – от III в. до н.э. до V в. н.э. Датировки могильников используются в авторской редакции. Наиболее широкую датировку имеют могильники: Чеганда II и Ныргында II: III в. до н.э. – II в. н.э. (Генинг, 1970, с. 88–93),

а также Юлдашево (Пшеничнюк, 1986). К I–III вв. н.э. отнесены могильники Ныргында I (Голдина, Красноперов, 2012) и Новосасыкуль (Васюткин, Калинин, 1986), а к I в. до н.э. – III в. н.э. – Кушулево III (Агеев, Мажитов, 1986). Синхронен Тарасовскому Красноярский некрополь, датируемый I–V вв. (Казанцева, 2012). Время функционирования остальных памятников укладывается в разные периоды в пределах III–V вв.: Чепаниха – III в. (Останина, 1984), Ангасяк – II–IV вв. (Тагиров, 2007), Сайгатка – конец III – первая половина IV в. (Стоянов, 1962), Мазунино – III–IV вв. (Генинг, Мырсина, 1967), Боярка «Арай» – IV – начало V в. (Черных, 2008), Старо-Кабаново – IV–V вв. (Васюткин, Останина, 1986, с. 64), Ижевск – III–V вв. (Останина, 1984, с. 45), Тураево I (грунтовая часть) – вторая половина IV–V в. н.э. (Голдина, Бернц, 2010), Покровское – конец IV–V в. (Останина, 1997, с. 131).

Несмотря на то, что могильники имеют разную длительность использования, все они относятся к одному культурному кругу – пьяноборской общности в ее тарасовском варианте и сопоставление памятников представляется вполне оправданным и перспективным для выяснения общего и особенного.

Сравнению подверглись 16 могильников, синхронных в разной степени Тарасово и содержащих 3260 погребений, и 1880 могил Тарасово. Анализ проведен по 94 признакам. В результате выяснилось, что все могильники имеют высокую степень сходства в пределах 71,7–82,0% (Голдина и др., 2015, илл. 274, 280) и вполне обоснованно относятся к одной культуре.

Т.И. Останина предприняла статистическое сопоставление мазунинской, кара-абызской и пьяноборской (тарасовской – а) культур на основании изучения 24 признаков погребального обряда. Ею использованы материалы, собранные по чегандинской культуре В.Ф. Генингом (1970), по кара-абызу – А.Х. Пшеничнюком и по мазунино – собственные (1997). Выяснилось, что показатель сходства пьяноборья (чегандинская, тарасовская культура) и мазунино достаточно высок – 0,76 (рис. 9), что можно объяснить их преемственностью и принадлежностью к одному культурному блоку. Большой показатель сходства пьяноборья и кара-абыза (0,79) – следствие синхронности и общих истоков (ананьинская общность). Обращает на себя внимание более низкий показатель степени сходства кара-

абыза и мазунино, что определено хронологической разницей и различной локализацией.

Еще более выразительная картина выявилась благодаря исследованиям Ф.А. Сунгатова, который сопоставлял более обширные и современные материалы кара-абызской, пьяноборской (тарасовской), мазунинской культур, а также двух стадий Бирского могильника: I (III–V вв.) и II (V–VIII вв.) по 42 признакам (Сунгатов, 2017). Абсолютно совпали с данными Т.И. Останиной показатели сходства мазунино и кара-абыза (0,59) (рис. 10). Несколько возрос, скорее всего, вследствие масштабных работ на пьяноборских могильниках Башкортостана и более информативной базы по могильникам этого типа, показатель сходства пьяноборья – мазунино – до 0,83, а также снизился показатель сходства кара-абыз – чеганда (тарасово) – до 0,62, что вполне оправдано – разные культуры. Ф.А. Сунгатову удалось четко зафиксировать единство однокультурного синхронного блока: мазунино и Бирск I (III–V вв.) – показатель сходства 0,86 – и преемственного с последним Бирск II (V–VIII вв.) – показатель сходства 0,81. Нет сомнений в однокультурности пьяноборья (чегандинская культура) и мазунино III–V вв. Показатель их сходства – 0,83. Благодаря работе Ф.А. Сунгатова многие предположения обрели доказательную базу.

Принципиально важные результаты были получены В.В. Овсянниковым и А.Ф. Яминовым, которые при изучении Уфимского могильника IV–III вв. до н.э. провели сравнительный анализ его погребального обряда с позднеананьинским Зуевским могильником в удмуртском Прикамье и самыми ранними пьяноборским Уяндыкским I (III–II вв. до н.э.) и кара-абызским Биктимировским (III в. до н.э. – I в. н.э.) могильниками. Сравнение проведено по 36 признакам. Исследователи пришли к выводу, что изучаемые памятники близки по многим показателям (Овсянников, Яминов, 2003, с. 26–29). Многие признаки погребального обряда характерны для всех четырех могильников. Зуевский могильник отличается от последующих присутствием остатков поминальной пищи в могилах в виде остатков глиняной посуды и костей животных. На ранней стадии пьяноборской (чегандинской, тарасовской) и кара-абызской культур авторами отмечены общие тенденции для обеих образований, но появились и специфические черты: в пьяноборском (чегандинском, тарасовском) присутствуют коллективные и парные захоронения, в кара-абызских они редки.

Погребальный обряд кара-абызской культуры характеризуется следующими особенностями (Пшеничнюк, 1973, с. 175–178): как и в других культурах пьяноборского круга, преобладают бескуржанные могильники без каких-либо отметок на поверхности. Могильные ямы простые прямоугольные, без особенностей. Размеры зависели от пола и возраста захороненных. Способ захоронения – труположение. Костяки лежали на спине, с вытянутыми конечностями. На дне зафиксированы следы деревянных настилов. Иногда стенки могил выложены большими камнями. В женских могилах раннего этапа на дне встречались кусочки мела, в поздних могилах зафиксированы остатки животных (задние конечности овцы или свиньи), глиняные сосуды с сопровождающей пищей. В женских могилах обнаружены украшения, в мужских – предметы вооружения и конское снаряжение. Особенностью женского костюма являются парные нагрудные ремни, украшенные бронзовыми накладками («портупей»), располагавшиеся на одежде. Как и в тарасовской (чегандинской) культуре, часть украшений расположена так, как использовалась при жизни, пояса часто развернуты и уложены вдоль или на тело, а часть украшений уложена у ног или у головы в емкости (туески, шкатулки), представляя собой подарочные наборы.

Могильники худяковской культуры имеют следующие признаки: грунтовые могилы расположены рядами, преимущественно простые ямы (редко с заплечиками и нишами) ориентированы в меридиональном направлении; с III в. фиксируются внутримогильные конструкции типа гробовищ, известны подстилки из луба, бересты, ткани, войлока и др.; преобладание ингумации, наличие жертвенных комплексов (0,8–6,5%), проявление культа огня (углистые пятна, угли, прокалы в засыпи и в межмогильном пространстве). На памятниках бассейна р. Вятки известны трупосожжения (полная или частичная кремация до 69,4% – Худяки). На других территориях трупосожжения единичны (Рождествено V). На Нижней Каме и в марийском левобережье Волги в могилах встречаются остатки коней (единично и до 47% – Нармонка). Кремация для лесного Поволжья – у разных групп населения – явление распространенное: в марийско-нижегородском Поволжье – Безводнинский могильник V – начала VIII в. (Краснов, 1980; Никитина, 1999), на памятниках Окско-Сурского междуречья второй половины

IV – начала V вв. (Букина, 1998; Ставицкий, 2013) и др., поэтому существование обряда трупосожжения у западных групп пьяноборской культурно-исторической общности не является чем-то экстраординарным. Очевидно, что на большой территории худяковской культуры вполне возможны локальные особенности: для вятского варианта – трупосожжение, а для нижекамского – остатки коней на дне могильных ям.

Итак, как показали предшествующие исследования, погребальный обряд пьяноборской культурно-исторической общности наиболее полно представлен в материалах Тарасовского могильника. Именно его черты представляют классический вариант этого объединения. Высокие показатели сходства различных могильников демонстрируют единство общности на протяжении первой половины I тыс. н.э. Кроме того, они же доказывают близость всех трех локальных образований: кара-абызской, тарасовской и худяковской культур.

Решение проблемы характера соотношения локальных групп памятников пьяноборского облика в бассейнах рр. Камы, Белой, Вятки невозможно без рассмотрения вещевых комплексов культур и, прежде всего, металлической пластики костюмных ансамблей, обладающей максимальной этнокультурной информативностью. Это огромный и разнообразный пласт материалов, анализ которого предполагает применение статистики, учета общих и особенных черт в каждой культуре. В рамках данной статьи предпринят первоначальный подход к теме с позиции выявления общих параллелей в эволюции преимущественно местных типов украшений тарасовской (чегандинской), кара-абызской и худяковской культур. О своеобразии тарасовского (чегандинского) комплекса можно судить по данным статистики и типологии Б.Б. Агеева (1992), о периоде I–V вв. – по результатам исследования Тарасовского могильника (Голдина, 2003; 2004; Голдина и др., 2015; Голдина, Бернц, 2016, 2016а, 2017, 2017а) с привлечением корпуса источников мазунинского времени, изученного Т.И. Останиной (1997). Характеристика вещевых комплексов бельского варианта позднего пьяноборья (Бирский могильник) представлена в диссертационном исследовании А.Н. Султановой (2000). В основе источниковой базы по вятскому варианту пьяноборья лежат данные по систематизации вещевых комплексов могильников худяковской культуры (Лещинская,

2014) с учетом опубликованных материалов памятников азелинского типа Нижней Камы (Старостин, 2002; 2009), а также марийского течения р. Волги (Халиков, 1962; Никитина, 1999). В качестве источников по кара-абызской культуре привлечены материалы многочисленных работ А.Х. Пшеничнюка (1973, 1976, 1982 и др.), коллективная монография уфимских исследователей (Овсянников и др., 2007), диссертационное исследование С.Л. Воробьевой (2012) и др.

Самым распространенным элементом костюмного комплекса всех локальных территорий пьяноборского мира можно считать височные подвески (рис. 11: 1–18). При всей специфике набора их в каждом ареале, объединяющим типом выступают подвески в виде знака вопроса. Среди них можно отметить подвески с цельнолитой конической трубицей (рис. 11: 1–5). Для кара-абызских памятников С.Л. Воробьева отмечает 13 экз. этого типа, датируя их II—I вв. до н.э. (Воробьева, 2012, Т. II. с. 65, рис. 19: 11, 12). Наибольшее распространение этот тип подвесок получил в камско-бельских раннечегандинских памятниках (593 экз. из 11 могильников) (Агеев, 1992, с. 31, 111–112, табл. 1: 12). В.Ф. Генинг их развитие относил к стадиям А–В (III в. до н.э. – I в. н.э.) эволюционной схемы украшений чегандинской (тарасовской) культуры (Генинг, 1970, рис. 20: 21, 58). В материалах Ныргындинского I могильника II–III вв. это также самый распространенный тип среди подвесок в виде знака вопроса (35 экз. из 71) (Голдина, Красноперов, 2012, с. 69, табл. 221). В могильниках худяковской культуры обнаружен 1 экз. (Голдина и др., 2014, табл. 171: 8), что вполне объяснимо небольшой выборкой ранних погребений на Вятке. Особо популярными во всех локальных ареалах были височные подвески с витой трубицей (рис. 11: 6–12). Ранние типы конической трубицей в кара-абызских памятниках встречаются в III в. до н.э. – II в. н.э. (47 экз.) (Воробьева, 2012, Т. II. с. 63–64, рис. 19: 1–6). В это же время, по мнению В.Ф. Генинга (1970, с. 51, рис. 20: 22, 87), они становятся популярными у населения Камско-Бельского региона (730 экз.) (Агеев, 1992, с. 31, табл. 1: 8, 9, 27). В материалах Тарасовского могильника подобные височные подвески часто встречаются в комплексах I–II вв. (Голдина, Бернц, 2016, с. 68, рис. 11: 29). Вариант подвесок с витой конической трубицей характерен для худяковских захоронений II–III вв. (не менее 60 экз. в Ошках и Худяках) (Лещинская, 2014, табл. 1:

17–26). В III–V вв. и на Каме, и на Белой ведущим типом височных подвесок стал так называемый «мазунинский» тип, с кольцом в нижней части прямого стержня, обмотанного бронзовой проволокой или стержня из перевитой проволоки (рис. 11: 13–18). Подобные височные подвески сотнями зафиксированы и на Тарасовском (Голдина и др., 2015, илл. 235), и Бирском (Султанова, 2000, с. 18, рис. 3: 14, 20, 21) могильниках. В худяковских некрополях такие височные подвески встречаются реже (7 экз.: Суворово и Рождественно V) (Генинг, 1963, табл. I: 1; Старостин, 2009, рис. 42: 8). Здесь продолжает эволюционировать тип подвесок со свисающим спирально-витым стержнем, в отличие от ранних вариантов с прямым длинным стержнем, часто дополненным привесками (Лещинская, 2014, табл. 1: 15, 27–30).

В большинстве пьяноборских памятников встречаются перстни, однако степень распространения их имеет индивидуальные характеристики как по локальным ареалам, так и по некролям. Значительно выше этот показатель для кара-абызских комплексов: 12,3% (Воробьева, 2012, Т. I. с. 48), чем для ранних камско-бельских тарасовских могильников: 4% (67 из 1685 погр. на 12 могильниках) (Агеев, 1992, с. 44, 45, 117, табл. 13); 1,2% – по материалам Тарасовского могильника, с практически равным распределением по хронологическим стадиям (Голдина и др., 2015, с. 31). В вятском ареале диапазон встречаемости перстней варьирует от 1,7% для Худяковского (2 погр. из 120), 15,6% – Ошкинского (5 погр. из 32) могильников до 23,7% (18 погр. из 76) для Первомайского некрополя с явным преобладанием числа погребений с перстнями в азелинское время (14 погр. из 18). Эта тенденция более высоких процентных показателей встречаемости перстней в могильниках III–V вв. прослеживается по Тюм-Тюмскому (26,9% – 21 погр. из 78), Уржумкинскому (28,6% – 10 погр. из 35) могильникам (Ошибкина, 2010; Никитина, 1999, с. 61–67, рис. 44–59). Чуть ниже эти показатели для Рождественского V (15,8% – 16 погр. из 101) и Мари-Луговского (11,1% – 5 погр. из 45) могильников (Старостин, 2009, с. 40; Халиков, 1962). Для Бирского некрополя коллекция перстней менее представительна (30 экз.), чем гривен (50 экз.) и браслетов (191 экз.) (Султанова, 2000, с. 43).

Наиболее популярным типом перстней во всех локальных группах, особенно на ранних этапах пьяноборья, были спираль-

новитые изделия (рис. 11: 27–32). Крупная коллекция таких перстней зафиксирована практически во всех хронологических этапах кара-абыза: 26 экз. пластинчатых колец и 64 экз. спиральновитых перстней из дрота различного сечения (Воробьева, 2012, Т. II, с. 53–55, рис. 17, 18). В раннегандинских комплексах преобладают пластинчатые и дровые изделия с заходящими концами (18 экз.), и лишь 2 экземплярами представлены дровые многовитковые перстни (Агеев, 1992, с. 44, табл. 13: 1–3). В Тарасово встречено 3 экз. пластинчатых спиральновитых перстней в комплексах второй половины II в. и 2 дровых многовитковых перстня в погребениях первой половины III в. В вятских комплексах II–III вв. (Ошки; Первомай) найдено 2 пластинчатых двух-трехвитковых перстня; в III–V вв. встречаются только многовитковые перстни из проволоки (Рождествено V – 8 экз.; Тюм-Тюм – 1 экз.) (Старостин, 2009, с. 40; Ошибкина, 2010, табл. 7: 5). Сведений о спиральновитых перстнях в бирских погребениях нет.

Для ранних периодов пьяноборья всех локальных ареалов характерны перстни с крупным развернутым в вертикальной проекции орнаментированным щитком (рис. 11: 21, 24, 25): 2 экз. в кара-абызе (Воробьева, 2012, с. 52, 53, рис. 16: 18, 20), 4 – в раннегандинских захоронениях (Агеев, 1992, с. 45, табл. 13: 17–19, 21); 2 – в тарасовских комплексах I в. н.э. (Голдина, Бернц, 2017а, рис. 9: 19); 3 – в вятских погребениях конца I–II в. (Ошки, Первомай) (Лещинская, 2014, табл. 2: 32, 33). Типологически и хронологически им близки перстни с массивным прямоугольным щитком в горизонтальной проекции (рис. 11: 22, 23, 26), которые обнаружены как на Вятке (3 экз.; Ошки, Худяки) (Лещинская, 2014, табл. 2: 30, 35, 36), так и в камско-бельских памятниках (4 экз.) (Агеев, 1992, табл. 13: 15), и в кара-абызских материалах (3 экз.) (Воробьева, 2012, с. 51, рис. 16: 14). В кара-абызских (Воробьева, 2012, с. 51, рис. 16: 7, 8) и вятских (Худяки) коллекциях перстней есть параллели по цельнолитым перстням с округлым щитком (соответственно 9 и 1 экз.; рис. 11: 19, 20).

В позднепьяноборское время объединяющим типом перстней для всех локальных территорий выступали пластинчатые кольца с незамкнутыми концами, имеющими вариации в оформлении для каждого ареала (рис. 11: 33–37). Наибольшее количество (не менее 36 экз.) таких перстней встречается в

памятниках азелинского типа. Для них характерны широкие, чаще орнаментированные пластины с заходящими концами. Их основной массив приходится на комплексы IV в. (Лещинская, 2014, табл. 2: 2–7, 10; 92: 1–3, 7). Для поздней части Тарасово (IV–V вв.) известно 7 экз. пластинчатых перстней, для Бирска – 18 экз. (Султанова, 2000, с. 43, рис. 18: 3) и чаще всего это изделия с узкими пластинами с незамкнутыми, иногда заходящими концами, редко – орнаментированные.

Из шейных украшений в некрополях всех локальных ареалов пьяноборской общности изредка встречаются гривны (рис. 12). С.Л. Воробьева для кара-абызской культуры IV в. до н.э. – IV в. н.э. зафиксировала находки гривен лишь в 5,15% погребений (Воробьева, 2012, с. 36). В монографии по Шиповскому могильнику авторы пишут, что «... со II в. до н.э. по II в. н.э. кара-абызское население за редкими исключениями не практиковало помещение гривен в могилу» (Овсянников и др., 2007, с. 69). В свое время Б.Б. Агеевым для пьяноборских (чегандинских) могильников II в. до н.э. – III в. н.э. было учтено 60 гривен с 5 некрополей. Их распределение по памятникам показывает, что процент погребений с гривнами от общего количества проанализированных захоронений колеблется от 0,3–2,3% до 5,3–7,1% (Агеев, 1992, с. 35–36, 79, 113). Близкие показатели характерны и для Тарасовского могильника I–V вв.: гривны обнаружены в 5,8% погребений могильника, при этом наименьшее их количество приходится на ныргындинскую стадию развития некрополя I–II вв. н.э. (Голдина и др., 2015, с. 30, илл. 220). Редко встречаются гривны в захоронениях конца I–III вв. и на вятских могильниках. Если обратиться к наиболее раскопанным некрополям, то в Худяковском могильнике III – начала IV в. только 2 захоронения из 120 (1,7%) содержали гривны; чуть чаще встречаются гривны в Ошкинском могильнике конца I–III вв. н.э. (4 погр. из 32: 12,5%) (Голдина и др., 2014, табл. 25, 26 и др.). К поздним этапам пьяноборья (III–V вв.) тенденция к использованию гривен в костюмном комплексе возрастает. Для Бирского могильника коллекция гривен насчитывает 50 экз. (включая небольшое количество раннесредневековых типов) для 692 погребений (Султанова, 2000, с. 24–25). В 1,5 раза чаще, чем ранее, встречаются гривны в погребениях мазунинской стадии Тарасовского могильника (Голдина и др., 2015, с. 44, илл. 220). Для могильников

азелинского типа картина распространения гривен более разнообразна. На самом северном Первомайском могильнике из 76 захоронений гривны обнаружены в 8 погребениях III–V вв. (10,5%) (Голдина и др., 2014, с. 372–445). На вятских Тюм-Тюмском, Суворовском, Азелинском могильниках процент встречаемости гривен в погребениях самый высокий: 24,4% (19 погр. из 78), 32,3% (10 погр. из 31) и 21,1% (4 погр. из 19) соответственно (Ошибкина, 2010, табл. 1–63; Генинг, 1963, табл. III, XXII). На нижнекамском Рождественском V могильнике гривны найдены в 9 погребениях из 101 (8,9%) (Старостин, 2009, с. 38). Близкие показатели характерны и для поволжского азелинского Мари-Луговского могильника: 3 погребения с гривнами из 45 захоронений (6,7%) (Халиков, 1962, табл. XXXIV: 15–17). Вместе с тем на поволжском Уржумкинском некрополе почти каждое четвертое захоронение (9 погр. из 35) содержало гривну (25,7%) (Никитина, 1999, рис. 44–59).

Сравнение ареальных групп памятников по морфологическим признакам гривен показывает, что на ранних этапах пьяноборья для кара-абызских памятников самым распространенным типом (20 экз.) выступали круглопроволочные гривны с заходящими друг за друга концами (рис. 12: 1) (Воробьева, 2012, с. 37–38). Единичные их варианты зафиксированы пока только на Вятке (рис. 12: 2): клад рубежа эр на Буйском городище – 5 экз. (Лещинская, 2009, с. 114, рис. 3: 13) и погр. 22 II в. н.э. Ошкинского могильника – 1 экз. (Голдина и др., 2014, табл. 25: 38). Нет в других ареалах, кроме кара-абызского, и сложносоставных гривен из нескольких дротов (Воробьева, 2012, с. 39–40). Близкие по морфологии гривны появляются во всех группах на рубеже эр и в первые века I тыс. н.э. Это круглопроволочные гривны с расплюснутыми концами (рис. 12: 3–5): кара-абызские могильники – 3 экз. (Воробьева, 2012, с. 38–39), вятский Ошкинский могильник – 1 экз. (Голдина и др., 2014, табл. 35: 11), среднекамский Тарасовский некрополь – 1 экз.¹ Для пьяноборских захоронений I–III вв. это,

¹ Здесь и далее при отсутствии ссылок на количественные показатели изделий Тарасовского могильника использованы данные из типологического анализа погребального инвентаря памятника, выполненного Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц для IV тома коллективной монографии «Материальная культура Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме» (готовится к изданию).

скорее всего, завершающий этап развития массового ананьинского прототипа подобных гривен (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 86: 2г; 92: 4а; 96: 9г и др.). Круглопроволочные гривны с замком в виде двух крючков (рис. 12: 10–13) появляются в кара-абызских (3 экз.) (Воробьева, 2012, с. 38) и раннечегандинских (6 экз.) (Агеев, 1992, с. 35–36, 113, табл. 4: 7) погребениях II–I вв. до н.э. – III в. н.э.; в захоронениях I–II вв. Тарасовского могильника (3 экз.). На вятских памятниках, при небольшом количестве раннепьяноборских погребений, пока можно зафиксировать только пик распространения таких гривен в III–V вв. (Лещинская, 2014, табл. 98: 18).

В I–III вв. н.э. памятники тарасовской (чегандинской) и худяковской культур сближают находки в захоронениях витых гривен (рис. 12: 6, 8): 10 экз. в Тарасово; 14 экз. по данным Б.Б. Агеева (1992, табл. 4: 4, 10, 12); 3 экз. и подъемный материал в Худяках, Ошках (Голдина и др., 2014, табл. 26: 27; 40; 42: 8; 64: 11; 74: 2). Как таковых витых гривен в кара-абызских материалах нет, но принцип украшения основного дрота гривны обмоткой из проволоки встречается (Воробьева, 2012, рис. 10; 11: 1). Стоит заметить, что все общие типы для локальных групп памятников, как правило, имеют ананьинские истоки. Кроме уже упомянутых гривен с расплюснутыми концами, это касается гривен с крючками на концах и витых изделий (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 90: 6; 107: 5б и др.; табл. 2: 3б; 28: 5а; 48: 3а и др.).

В III–V вв. часто встречаемым типом гривен во всех пьяноборских ареалах выступают круглопроволочные гривны с замком из двух крючков (рис. 12: 10, 11, 13): Бирск – 35 экз. (Султанова, 2000, с. 24, рис. 6: 6); Тарасово – не менее 21 экз.; в опубликованных материалах могильников азелинского типа – 21 экз.² Значительно реже, но также повсеместно зафиксированы гривны с ромбическим или восьмигранным сечением дрота (рис. 12: 14–16): Бирск – 6 экз. (Султанова, 2000, с. 24, рис. 6: 7), Тарасово – 5 экз., волговятские могильники – 3 экз.. Витые гривны встречаются во всех локальных группах памятников, но отличаются конструктивными особенностями. Для погребений мазунинского этапа Тарасовского могильника характерны гривны с железной основой и намотанной на

² Здесь и в дальнейшем приводятся суммарные количественные данные по отдельным категориям предметов из опубликованных памятников первой половины I тыс. н.э. Вятки, Нижней Камы, Волги.

нее бронзовой проволокой (24 экз.). Изредка (3 экз.) такие гривны дополнены бронзовыми бусинами (рис. 12: 17). Для азелинских памятников чаще встречаются бронзовые частично перевитые и ложновитые (тордированные) гривны – не менее 14 экз. (рис. 12: 9), при этом нижнекамские варианты в единичных случаях могут быть дополнены бусами (рис. 12: 19): (Рождествено V; Нармонка) (Старостин, 2009, рис. 11: 26; 2002, рис. 4: 4). В единичных случаях гривны тарасовского типа зафиксированы в худяковских погребениях марийского течения р. Волги (Уржумка) (Никитина, 1999, рис. 57: 7). Там же встречаются гривны с частичной обмоткой на концах (Арзбееля; Уржумка) (Никитина, 1999, рис. 57: 6; 63: 6). На Бирском могильнике единично обнаружены как частично перевитые гривны – 1 экз. (рис. 12: 7), так и с бронзовой намоткой на основной дрот и бусами – 5 экз. (рис. 12: 18) (Султанова, 2000, рис. 6: 2, 3).

Среди наручных украшений анализируемых культур встречаются браслеты. Степень распространенности их в погребальных комплексах близка показателям встречаемости гривен. Для кара-абызских могильников – 5,3% (Воробьева, 2012, с. 42), для раннечегандинских захоронений Камско-Бельского междуречья 3,4% – 61 из 1818 погр. из 12 могильников (Агеев, 1992, с. 10, 44, 117). Среди захоронений Тарасовского могильника 6,54% погребений (123 погр. из 1880) содержали браслеты, с преобладанием их на поздней мазунинской стадии. Для вятских могильников худяковской культуры диапазон показателей встречаемости браслетов в погребениях колеблется от 0,8% (Худяки: 1 погр. из 120) до 6,25% (Ошки: 2 погр. из 32) – 6,6% (Первомай: 5 погр. из 76). Наиболее высокий показатель (16,7%) дают материалы Тюм-Тюмского могильника IV–V вв. (13 погр. из 78) (Ошибкина, 2010). В нижнекамском Рождественском V некрополе 7 погребений из 101 содержали браслеты (6,9%) (Старостин, 2009, с. 39–40). Два поволжских могильника дают разброс показателей встречаемости браслетов от 5,7% (Уржумка: 2 погр. из 35) (Никитина, 1999, рис. 45) до 15,6% (Мари-Луговской: 7 погр. из 45) (Халиков, 1962, табл. XXXIV). В целом, наиболее часто браслеты в Волго-Камско-Вятском пьяноборском ареале обнаружены в захоронениях III–V вв., преимущественно в IV в. (Лещинская, 2014, табл. 3, 86, 92, 98). Значительная коллекция браслетов происходит из Бирского могильника – 191 экз. из 692 погребений (Султанова, 2000, с. 43, 44), одна-

ко комплекс включает и раннесредневековые типы, которые количественно не выделены. В целом можно констатировать, что по показателю степени встречаемости браслетов общей тенденцией для всех локальных территорий пьяноборской общности является невысокая доля их в ранних памятниках и рост встречаемости в позднепьяноборское время.

К объединяющим типам браслетов на ранних этапах пьяноборских культур можно отнести дровые браслеты с заходящими концами (рис. 13: 1, 3, 5). Наиболее характерны они для кара-абызских комплексов II в. до н.э. – III в. н.э.: С.Л. Воробьева отмечает 22 экз. подобных изделий (Воробьева, 2012, с. 43, рис. 14). В чегандинских погребениях этого времени их находят в значительно меньшем количестве (Агеев, 1992, табл. 13: 31). В Тарасовском могильнике зафиксировано 7 экз. в комплексах I–II вв. В ранних вятских погребениях известен лишь 1 экз. на Ошкинском могильнике (Голдина и др., 2014, табл. 23: 1). Среди этого типа браслетов и в камских, и в бельских комплексах II–III вв. встречается незначительное количество дровых браслетов с закрученными в спираль концами (рис. 13: 2, 4): Шипово – 1 экз. (Воробьева, 2012, с. 44, рис. 14: 10); Тарасово – 2 экз. Несколько иная картина складывается, если рассматривать такой общий тип как многовитковые браслеты (рис. 13: 6–10). В кара-абызе встречаются как дровые, так и пластинчатые браслеты, но в единичных экземплярах (Воробьева, 2012, т. 1, с. 45, 46; т. 2, рис. 14: 11, 12). В чегандинских материалах наоборот зафиксированы десятки многовитковых браслетов (Агеев, 1992, с. 44, табл. 13: 26, 27, 30; Генинг, 1970, с. 56, рис. 20: 23, 43, 59). Тарасовская коллекция насчитывает 15 экз. железных пластинчатых многовитковых браслетов из комплексов I – первой половины II вв. (Голдина, Бернц, 2016, с. 74, рис. 12: 31). В волго-вятских некрополях дровый многовитковый браслет известен только в позднем комплексе (IV в.) Мари-Луговского могильника (Халиков, 1962, табл. XXXIV: 23).

В позднепьяноборское время (III–V вв.) самым распространенным общим типом браслетов во всех локальных ареалах являются круглопроволочные браслеты с плоскими рублеными или закругленными, иногда утолщенными концами (рис. 13: 11–14). Более сотни их обнаружено в Бирском могильнике (Султанова, 2000, с. 43, рис. 18: 7–13), не менее 23 – в Тарасово и 20 – в

азелинских могильниках Вятки, Камы, Волги. Чуть чаще (24 экз.) в азелинских комплексах встречаются круглопроволочные браслеты с расплюснутыми концами (рис. 13: 18). На других территориях пьяноборской общности находки их редки (рис. 13: 15–17): Бирск – 2 экз. (Султанова, 2000, с. 44, рис. 18: 16, 20), Тарасово – 6 экз., Шипово – 1 экз. (Воробьева, 2012, с. 46, рис. 14: 7). Общим типом выступают и пластинчатые железные и бронзовые браслеты, которые больше зафиксированы на Тарасовском могильнике (18 экз.), чуть меньше встречаются в Бирске (9 экз.) (Султанова, 2000, с. 44, рис. 18: 15) и вятских (8 экз.) некрополях (рис. 13: 19–21).

Традиционно для костюмных комплексов культур пьяноборского круга использование различных вариантов бляшек: в качестве украшения ворота, рукавов, подола, пол одежды; элементов головных, нагрудных, поясных, обувных уборов. Как правило, это цельнолитые бляшки, которые исчисляются тысячами в кара-абызских памятниках (Воробьева, 2012, с. 136–140, рис. 47: 7–15; 56; 57). Более 2800 экземпляров найдено только в погребениях Тарасовского могильника. На порядок меньше их на памятниках худяковской культуры, что легко можно объяснить меньшим объемом источников (Лещинская, 2014, табл. 31–33). Наибольшее их разнообразие и количество зафиксировано для раннепьяноборских комплексов – бляшки с петельным креплением: круглые плоские, полусферические, умбоновидные, простые и орнаментированные, многосоставные; бляшки с отверстием в центре для крепления, как правило, плоские (рис. 14: 1–23). В III–V вв. бляшки встречаются повсеместно, но меньше, исчисляясь десятками и сотнями, использованы как в costume, так и в конском убранстве. Как правило, это бляшки небольших размеров, встречается петельное крепление, но преобладают нашивные бляшки или изделия со штифтовым креплением (рис. 14: 24–29).

В значительно меньшем количестве, но на памятниках всех пьяноборских территорий, присутствуют и крупные бляхи, используемые как поясные или нагрудные украшения. Часть из них выполнена из высокооловянистых бронз, другая из бронзовых сплавов местной рецептуры. Наиболее активный период их использования – II–IV вв. (рис. 14: 30–32).

К популярным деталям пьяноборского костюма можно отнести и многочисленные пронизки (обоймы по С.Л. Воробьевой)

(рис. 15). К сожалению, в публикациях часто нет корректных количественных показателей, есть понятия «многочисленные», «распространенные типы» и др., что позволяет сделать только общие выводы о преобладании тех или иных изделий в ареальных группах памятников. В среднепьяноборское время наибольшие параллели по этой категории украшений проявляют кара-абызские и тарасовские (чегандинские) памятники. К общим типам можно отнести короткие широкие пронизки с вырезом на обороте (рис. 15: 2–4), более характерные для кара-абыза, и одинарные или двойные полуцилиндрические пронизки с поперечными насечками (рис. 15: 1, 7), чаще встречаемые в чегандинских комплексах. В каждом из этих ареалов, но значительно реже встречаются пронизки-лапки (рис. 15: 10, 11) и флаконовидные пронизки (рис. 15: 12, 13). Вятские материалы немногочисленны: с кара-абызом их сближают находки бус-пронизок (рис. 15: 5, 6, 8, 9), со всеми ареалами – флаконовидные пронизки (рис. 15: 14).

В III–V вв. во всех пьяноборских культурах зафиксированы зооморфные пронизки. Пронизки-медведи более характерны для Тарасовского 21 экз.; (рис. 15: 16) (Голдина, Бернц, 2017а, с. 63, рис. 9: 64) и Бирского – 24 экз. (рис. 15: 15) (Султанова, 2000, рис. 7: 1–5) могильников. В азелинских комплексах их встречено только 3 экз. (рис. 15: 17), количественно (не менее 41 экз.) здесь преобладают пронизки-уточки (рис. 15: 20, 21), не считая специфических типов с поперечной петлей в нижней части тулова (Лещинская, 2014, табл. 19), в то время как единичные их экземпляры найдены в Тарасово (5 экз.) (рис. 15: 18) (Голдина, Бернц, 2017а, с. 57, рис. 7: 48) и Бирске (5 экз.) (рис. 15: 19) (Султанова, 2000, с. 26, рис. 7: 6, 7).

Самая разнообразная по типам категория украшений пьяноборского костюма – подвески. Наиболее четкие параллели по этим изделиям между локальными группами памятников фиксируются в основном в раннепьяноборское время. Прежде всего, это круглые мелкие подвески со сплошным или прорезным щитком, часто дополненные округлыми выступами в нижней части основы, а также элементами спирали в качестве орнамента (рис. 16: 1–5). Они характерны для чегандинских, худяковских комплексов, где в зависимости от объема источников могут исчисляться сотнями (Тарасово: не менее 270 экз.) или десятками (вятские могильники – 21 экз.) (Лещинская, 2014, табл. 16: 1–8). В

бассейне р. Белой 5 подвесок зафиксировано в кара-абызских могильниках (Воробьева, 2012, с. 186, рис. 65: 13) и 29 – в ранних комплексах Бирского могильника (Султанова, 2000, с. 22, 23, рис. 5: 7–14). Популярны в этот период пьяноборья и подвески геометрических форм, преимущественно трапециевидных, подтреугольных, прямоугольных (рис. 16: 6–11). Значительная часть их выполнена из зеркал или крупных круглых блях. Самая представительная коллекция, более двух сотен, происходит из кара-абызских могильников (Воробьева, 2012, с. 175–178, рис. 62). Б.Б. Агеев для камско-бельских чегандинских некрополей привел данные о 78 изделиях (Агеев, 1992, с. 38, рис. 3: 9–12). Не менее 67 подвесок этого типа встречено в комплексах Тарасовского могильника, в т.ч. и в позднепьяноборских погребениях (Голдина, Бернц, 2016, рис. 15: 53; 2017а, рис. 10: 81). Находки трапециевидных подвесок (7 экз.) отмечает А.Н. Султанова для Бирского могильника (Султанова, 2000, с. 23, рис. 5: 19). 11 таких подвесок известно из худяковских могильников. В гораздо меньшем количестве, но во всех пьяноборских ареалах зафиксированы лапчатые подвески (рис. 16: 12–15), при этом основной их массив (не менее 26 экз.) происходит из чегандинских комплексов (Агеев, 1992, с. 39, рис. 3: 17, 19, 23–27; Голдина и др., 2015, илл. 238; Голдина, Бернц, 2016, с. 77, рис. 12: 34) и только единичные экземпляры изделий найдены в кара-абызской (Воробьева, 2012, с. 185, рис. 65: 12) и худяковской (2 экз.) культурах (Лещинская, 2014, табл. 18: 14, 15). Тарасовский (чегандинский) ареал был центром производства и крупных ажурных арочных подвесок (рис. 16: 16): 8 экз. зафиксировано Б.Б. Агеевым (1992, с. 38, рис. 3: 18, 21, 22) и 5 происходят из Тарасовских комплексов I в. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 10: 22). Единственный экземпляр подобной подвески известен для кара-абыза (рис. 16: 17) (Воробьева, 2012, с. 185–186, рис. 65: 10). Возможно, был прав Б.Б. Агеев, говоря, что подобные подвески стали прототипом «прикамских арочных подвесок» (Агеев, 1992, с. 39), вероятно, подразумевая под ними крупные ажурные шумящие подвески азелинского типа (Лещинская, 2014, табл. 11: 13). В позднем пьяноборье в каждом ареале памятников развивается своя стилистика подвесок.

Среди общих типов металлической пластики пьяноборского костюмного комплекса следует отметить и ажурно-прорезные накладки, в большинстве своем нашив-

ные, реже с петельным креплением (рис. 16: 18–26). Судя по степени распространенности, центр их производства и более интенсивного использования находился на территории тарасовской (чегандинской) культуры. В комплексах преимущественно III–I вв. до н.э. (Генинг, 1970, рис. 20: 30–33, 48, 49, 100) Б.Б. Агеевым зафиксирована коллекция из 221 экз. (1992, с. 39, 40, табл. 9). В первые века I тыс. н.э., как демонстрируют материалы Тарасовского могильника (не менее 15 экз.), количество их сокращается (Голдина и др., 2015, илл. 230). На кара-абызских (6 экз.) (Воробьева, 2012, с. 158, рис. 54: 20–23) и камско-вятских памятниках (Рождествено V – 2 экз.; Первомай – 1 экз.; Буйское городище – 6 экз.) их найдены единицы (Старостин, 2009, рис. 25: 3, 8; Лещинская, 2009, рис. 3: 1, 2, 4; 4: 4, 9, 10).

Типологически разнообразны застежки в пьяноборских комплексах. В раннепьяноборское время самое широкое распространение получили застежки с неподвижным крючком (рис. 17), которые сотнями насчитываются в кара-абызских могильниках (Воробьева, 2012, с. 73–90, рис. 22, 27, 29–31), чегандинских комплексах (Агеев, 1992, с. 41–42, табл. 11; Голдина, Бернц, 2016, рис. 2, 3, 7–12) и значительно меньше (10 экз.) – в ранних погребениях худяковской культуры (Лещинская, 2014, табл. 26). В этот же период начинают функционировать эполетообразные застежки (рис. 18: 9–17), с явным доминированием в раннечегандинских памятниках (Агеев, 1992, с. 40, табл. 10), единичными находками в кара-абызских материалах II в. до н.э. – I в. н.э. (Воробьева, 2012, с. 84, рис. 28) и комплексах I–II вв. вятских могильников (Ошки, Первомай – 4 экз.) (Лещинская, 2014, табл. 20). Дальнейшая эволюция эполетообразных застежек связана только с памятниками азелинского этапа худяковской культуры (43 экз. по опубликованным источникам). В III–V вв. в могильниках всех локальных групп встречаются крупные бляхи-застежки «мордовского типа» (рис. 18: 5–8), с самой большой коллекцией на памятниках худяковского типа (не менее 57 экз.), единичными находками в Бирском могильнике (2 экз.) (Султанова, 2000, с. 42, рис. 15: 31) и в Тарасовском некрополе (5 экз.) (Голдина и др., 2015, илл. 227; Голдина, Бернц, 2016а, с. 29, рис. 4: 36). Более ранние экземпляры блях-застежек были популярны больше в чегандинской среде. В такой же пропорции, как и бляхи-застежки, встречаются в локальных ареалах и застежки-сюльгамы (рис. 18: 1–4). Наибольшее их

количество найдено в азелинских памятниках (не менее 51 экз.), Тарасовском могильнике (37 экз.) (Голдина и др., 2015, илл. 101; Голдина, Бернц, 2017а, с. 65, рис. 10: 76), здесь же им предшествует значительный пласт ранних типов сьюльгам. В Бирском могильнике обнаружено лишь 17 экз. поздних типов и 2 ранних изделия (Султанова, 2000, с. 28, рис. 10: 3, 4, 7, 8).

Суммируя полученные результаты сравнительного анализа металлической гарнитуры костюмных комплексов трех археологических образований, можно констатировать, что уже в первом приближении к теме четко просматриваются параллели по многим категориям украшений. Степень сходства больше проявляется для ранних этапов культур, что вполне объяснимо общей исходной ананьинской основой. При этом чуть менее выраженная связь худяковской культуры с остальными ареалами объясняется, прежде всего, небольшим объемом ранних источников. Фиксируемые параллели не исключают своеобразие культур, которое еще необходимо исследовать. Но это различие вызвано скорее

разнонаправленностью внешних импульсов и контактов, обусловленных территориальной локализацией культур. Материалы III–V вв. изучаемых культур демонстрируют однотипность многих элементов женского костюмного комплекса, но с большим, чем ранее, проявлением местных стилистик в оформлении таких категорий, как застежки, височные и нагрудные подвески и др. Объяснение этому следует искать в специфике внутренней эволюции культур. В целом же напрашивается вывод о генетическом родстве культур и их своеобразии на уровне локальных вариантов единой пьяноборской общности.

В заключение хотелось бы выразить уверенность, что, несмотря на множество лагун в археологии Волго-Камья этого времени, приведенные материалы, накопленные на протяжении почти 150 лет изучения этой проблемы, убедят специалистов в реальности существования на рубеже эр и в первой половине I тысячелетия н.э. в Прикамье и прилегающем Поволжье пьяноборской культурно-исторической общности.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 75–94.
- Бугров Д.Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 345 с.
- Букина О.В. Датировка погребений рязано-окских могильников, содержащих остатки трупосожженных (по опубликованным материалам Борковского и Кузьминского могильников) // Культуры европейских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 1998. С. 277–287.
- Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 349–399.
- Васюткин С.М. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1980. С. 72–91.
- Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
- Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Сост. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 63–130.
- Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 1, 2. Уфа, 2012. 291, 138 с.
- Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удмуртское кн. Изд-во, 1958. 192 с.
- Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. Вып.4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УРКМ; УГУ, 1962. С. 5–52.
- Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып.5 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ, УГУ, 1963. С. 5–144, 158–160, 24 табл.

Генинг В.Ф. Городище Чеганда I в мазунинское время // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ, УГУ, 1967. С. 141–163.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ; УГУ, 1967. С. 7–84.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) / ВАУ. Вып. 10. Ижевск: УРКМ, УГУ, 1970. 260 с.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: КФАН СССР, 1959. С. 157–219.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.А. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. №1. С. 114–136.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э. М.: Наука, 1988. 240 с.

Генинг В.Ф., Мырзина Е.М. Мазунинский могильник // Памятники мазунинской культуры. ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ; УГУ, 1967. С. 85–165.

Голдина Р.Д. Исследования памятников Южной Удмуртии в 1969–1970 гг. // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск, 1976. С. 75–92.

Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: УдНИИ, 1987. С. 6–36.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Иллюстрации / Отв. ред. В.А. Бернц. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Каталог погребений / Отв. ред. В.А. Бернц. Ижевск: Удмуртия, 2004. 319 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИ КВАЭ. Т. 17 / Отв. ред. Н.Ф. Широбокова. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. №1(15). С. 41–89.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 3(17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть II // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 172–204.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2(20) С. 47–72.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИ КВАЭ. Т. 22 / Отв. ред. Л.И. Липина. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Макаров Л.Д. Дневники раскопок могильников первой половины I тыс. н.э. бассейна р. Вятки // Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Приложение I / МИИКВАЭ. Т. 27 / Отв. ред. Н.Ф. Широбокова. Ижевск: б/и, 2014. С. 212–445.

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье / МИ КВАЭ. Т. 13 / Ред. О.А. Казанцева. Ижевск, Пермь: Удмуртский государственный университет, 2011. 340 с.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / МИИКВАЭ. Т. 29. Казань, Ижевск: Удмуртский университет, 2015. 297 с.

Иванов В.А. Городище Петер-Тау (Юлдашевское) // СА. 1982. № 3. С. 199–209.

Иванов В.А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях р. Белой // УАВ. Вып. 4. Уфа: Главное управление государственной охраны и использования недвижимых объектов культурного наследия МКИНП РБ, 2003. С. 199–215.

Казанцева О.А. Исследования Яромасского городища в бассейне р. Камы // Новые археологические исследования на территории Урала / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 1987. С. 135–144.

Казанцева О.А. Гончарная технология населения Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. (по данным некрополей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1996. 21 с.

Казанцева О.А. Гончарство древнего населения Среднего Прикамья (по материалам Тарасовского могильника I–V вв. н.э.) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2011. Вып. 1. С. 55–62.

Казанцева О.А. Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / МИИКВАЭ. Т. 24 / Отв. ред. О.В. Арматынская. Ижевск: б/и, 2012. 180 с.

Клюева Г.Н. Быргындинское IV поселение – памятник пьяноборского времени на Средней Каме // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. Ижевск, 1984. С. 20–35.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (к истории Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 223 с.

Красноперов А.А. Погребальная керамика из пьяноборских и мазунинских могильников Прикамья // УАВ. Вып. 10. Уфа: Гилем, 2010. С. 83–109.

Лецинская Н.А. Вятский бассейн в I – начале II тысячелетий н.э. (по археологическим источникам). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 21 с.

Лецинская Н.А. Заметки об азелинских древностях (в связи с исследованиями П.Н. Старостина) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Отв. ред. Д.Г. Бугров / Археология евразийских степей. Вып. 10. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 111–121.

Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИИКВАЭ. Т. 27 / Отв. ред. Н.Ф. Широкова. Ижевск: Институт истории и культуры народов Приуралья, 2014. 472 с.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. V / Ред. Т.Б. Никитина, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 1999. 160 с.

ОАК за 1894 г. СПб.: Тип. Глав. управления уделов, 1896. 171 с.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 гг.) // УАВ. Вып. 4. / Ред. В.А. Иванов, Н.С. Савельев, В.К. Федоров, А.Ф. Яминов. Уфа: Главное управление государственной охраны и использования недвижимых объектов культурного наследия МК и НП РБ, 2003. С. 16–57.

Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III–IV вв. / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.

Пшеничнюк А.Х. К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. Т. 2 / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1964. С. 93–100.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.

Пшеничнюк А.Х. Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в центральной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Под ред. В. А. Иванова, А. Х. Пшеничнюка. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 94–105.

Пшеничнюк А.Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 26–44.

Савельев Н.С. Первые исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 9. Уфа: Гилем, 2009. С. 127–140.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. №28. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 276 с.

Смирнов А.П. Рец.: Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов. «Вопросы археологии Урала», Свердловск–Ижевск, 1963, вып.5. Труды Удмуртской археологической экспедиции, т. 2, стр. 5–160+72 рис., 24 табл. // СА. 1964. №4. С. 240–246.

Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы /МАР. №25. СПб.: б/и, 1901. 120 с., 30 л. илл.

Ставицкий В.В. Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III–VII вв. // Поволжская археология. 2013. №2(4). С. 143–149.

Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань: Институт истории, РИЦ «Школа», 2002. 64 с.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник / Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 144 с.

Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1964. С. 117–134.

Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическое исследование. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 203 с.

Сунгатов Ф.А. Этнокультурные процессы в Приуралье в IV–VIII вв. н.э. 2017. Электронная рукопись в адрес Р.Д. Голдиной от 3 августа 2017 г.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.И., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо–Муштинский курганно-грунтовый могильник) / Отв. ред. Н.А. Мажитов, А.Ф. Яминов. Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. 172 с.

Тагиров Ф.М. Новые исследования Ангасякского могильника // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 89–110.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Тр. Марийской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское кн. Изд-во, 1962. С. 7–187.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.

Худяков М.Г. Нырғындынские I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Отв. ред. С.Н. Быковский (Материалы ГАИМК. Вып. 2). Л.: ОГИЗ, 1933. С. 15–19.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2008 г. / Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 495.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 188 с.

Шмидт А.В. Туйский всадник. (К вопросу о раннеисторических связях между Уралом и Средней Азией.) // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук. Т. I. Л.: ГОСИЗДАТ, 1925. С. 410–434., 1 л. табл.

Информация об авторах:

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

Лещинская Надежда Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

ABOUT THE PYANY BOR CULTURE-HISTORICAL COMMUNITY

R.D. Goldina, N.A. Leshchinskaya

The term «Pyany Bor culture» is known in Russian archaeology since 1880, when in the village Pyany Bor in the northeast of modern Tatarstan was discovered burial ground of the turn of the eras. In different years scientists meant by this notion different monuments, dates, areas. Now we can talk about the existence of the Pyany Bor culture-historical community of the Finno-Ugric population, including Khudyaki, Tarasovo (Cheganda) and Kara–Abyz archaeological culture in the Lower and Middle Kama regions and adjacent territories of the Volga area in the 2nd century BC – 5th century AD.

Keywords: archaeology, Pyany Bor culture-historical community, Lower and Middle Kama region, antiquities of the turn of the eras and the 1st half of the I millennium AD, Khudyakovo, Tarasovo, Kara-Abyz archaeological cultures.

About the Authors:

Goldina Rimma D. Doctor of Historical Sciences. Professor. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Leshchinskaya Nadezhda A. Candidate of Historical Sciences. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

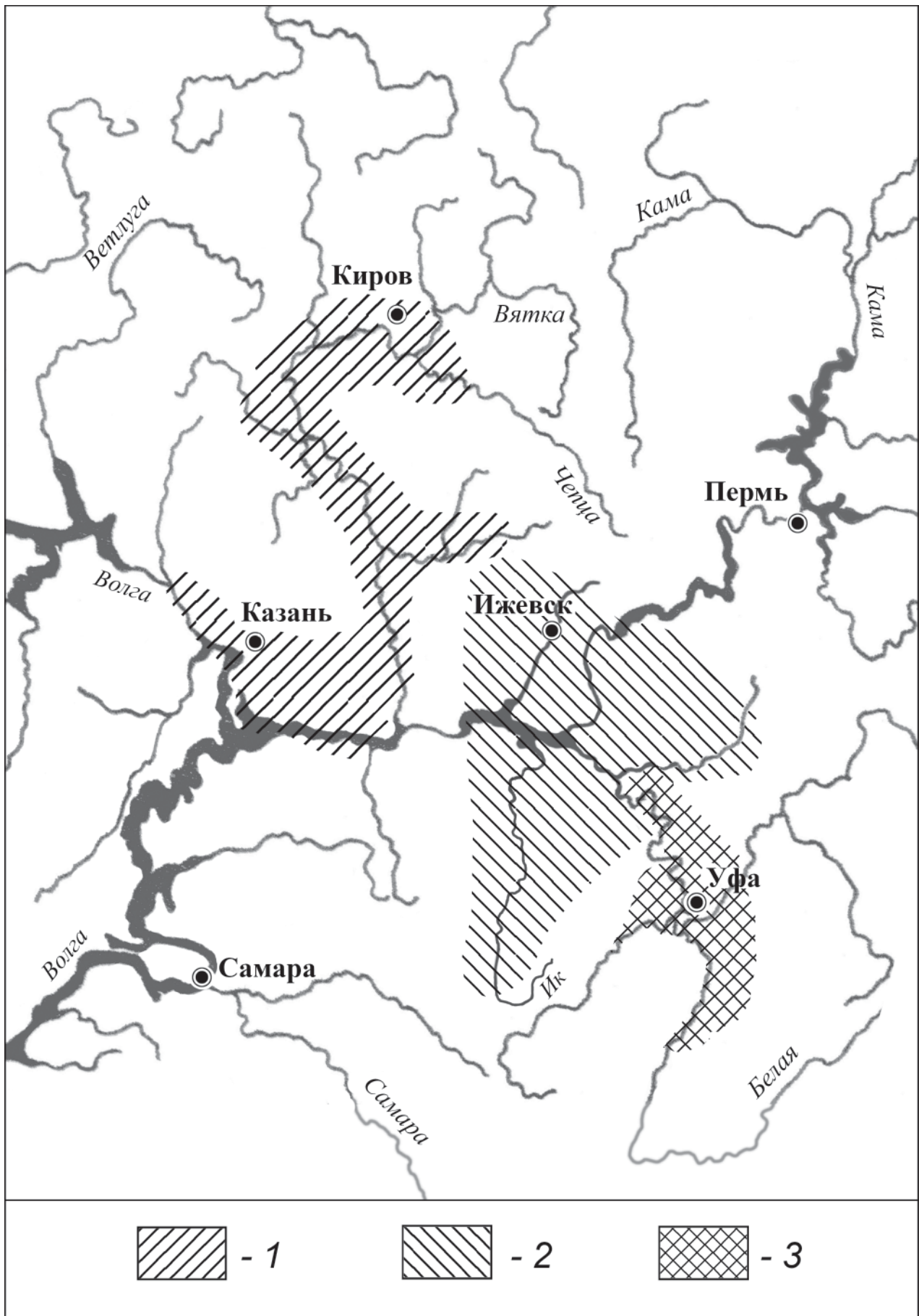

Рис. 1. Карта-схема культур пьяноборской культурно-исторической общности: 1 – худяковская; 2 – тарасовская (чегандинская); 3 – кара-абызская.

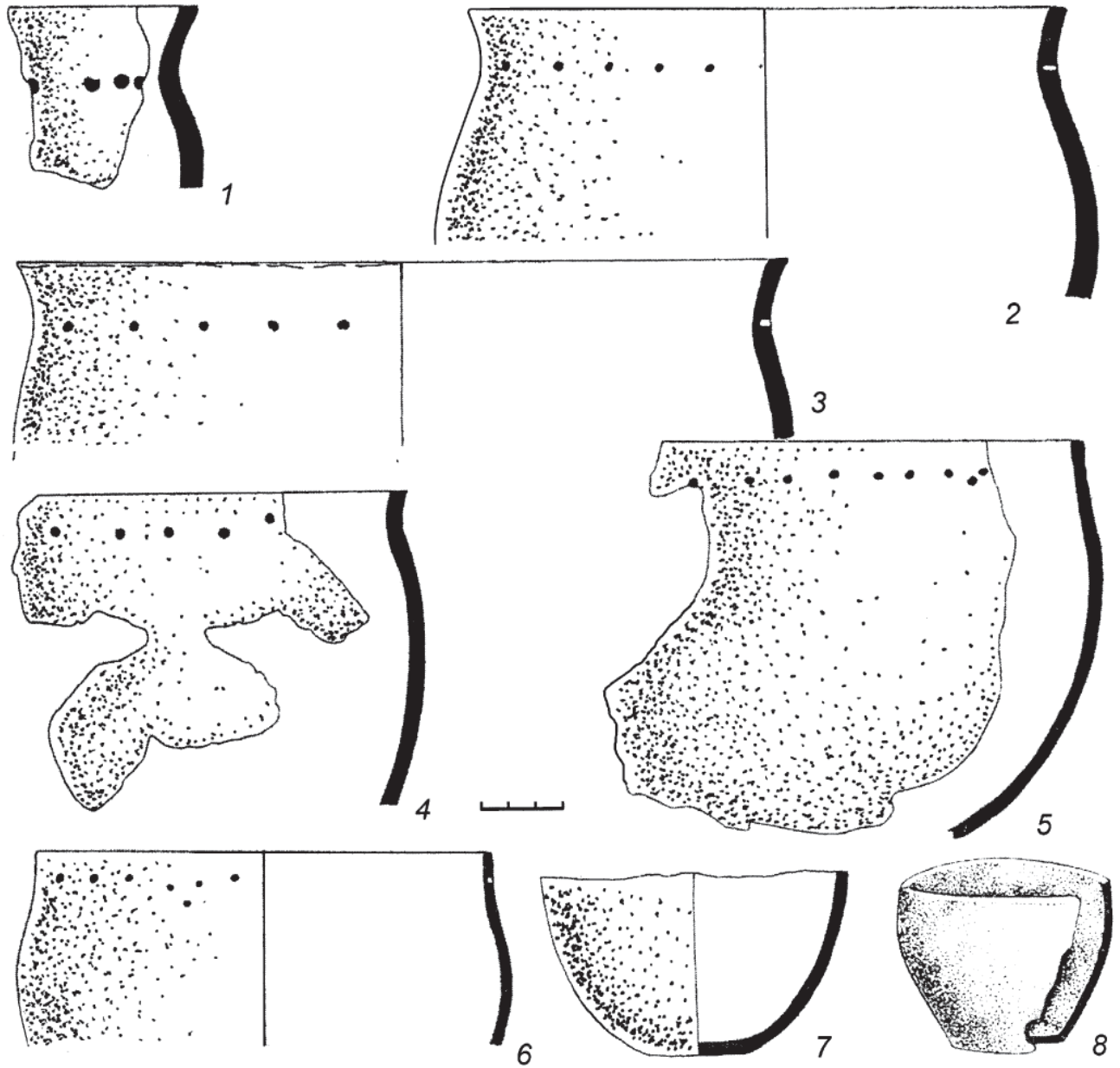

Рис. 2. Глиняная посуда удмуртского варианта тарасовской культуры: 1–7 – Ныргында I (II–III вв. н.э.) (по: Голдина, Красноперов, 2012); 8 – Ныргында II (по: Генинг, 1970, табл. XVII: 11).

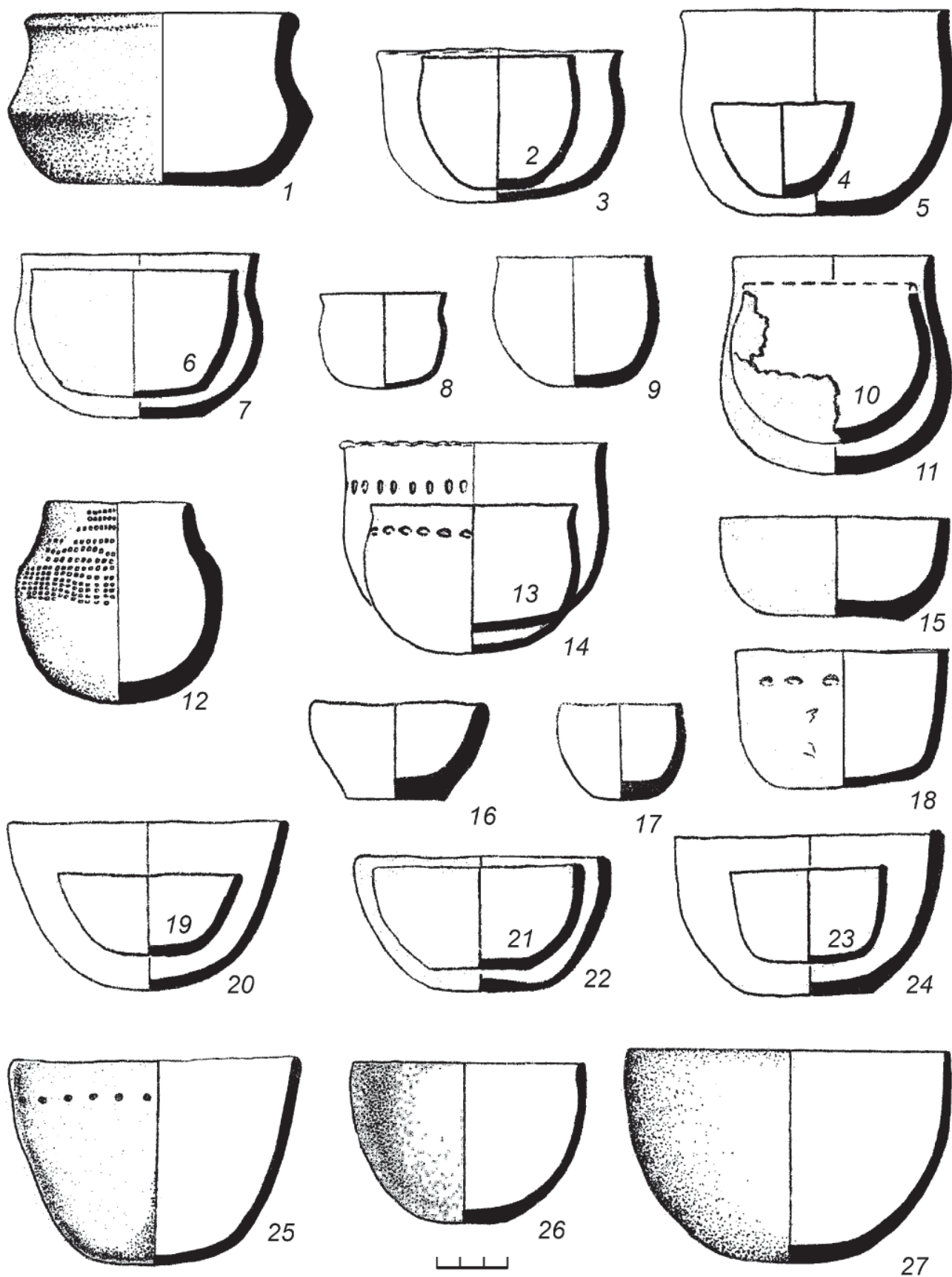

Рис. 3. Глиняная посуда бельского варианта тарасовской культуры (I–III вв. н.э.): 1, 25–27 – Кушулево III (по: Агеев, Мажитов, 1986); 2–24 – Ново-Сасыкуль (по: Васюткин, Калинин, 1986).

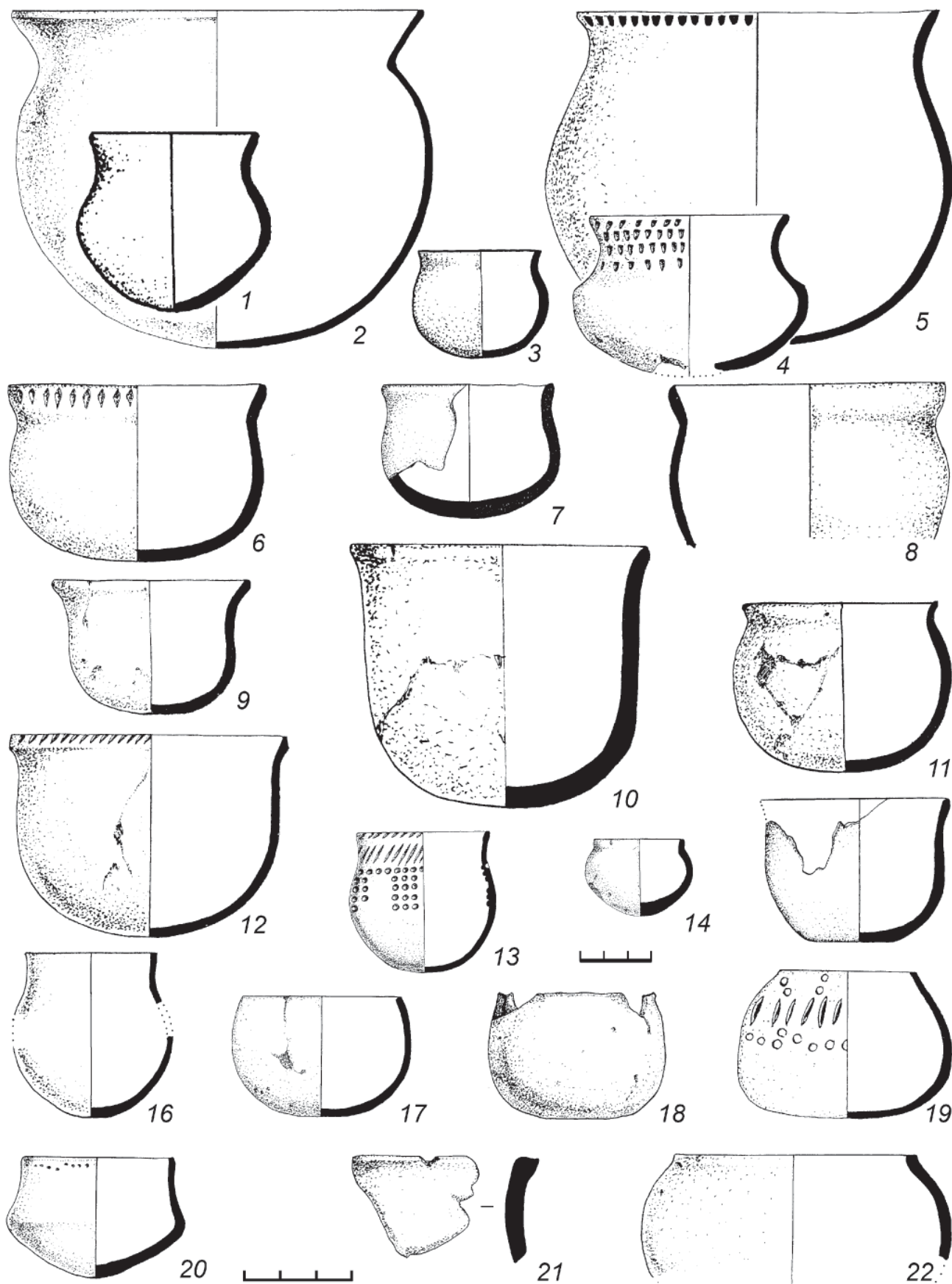

Рис. 4. Глиняная посуда Тарасовского могильника (I–V вв. н.э.) (Голдина, 2003, 2004).

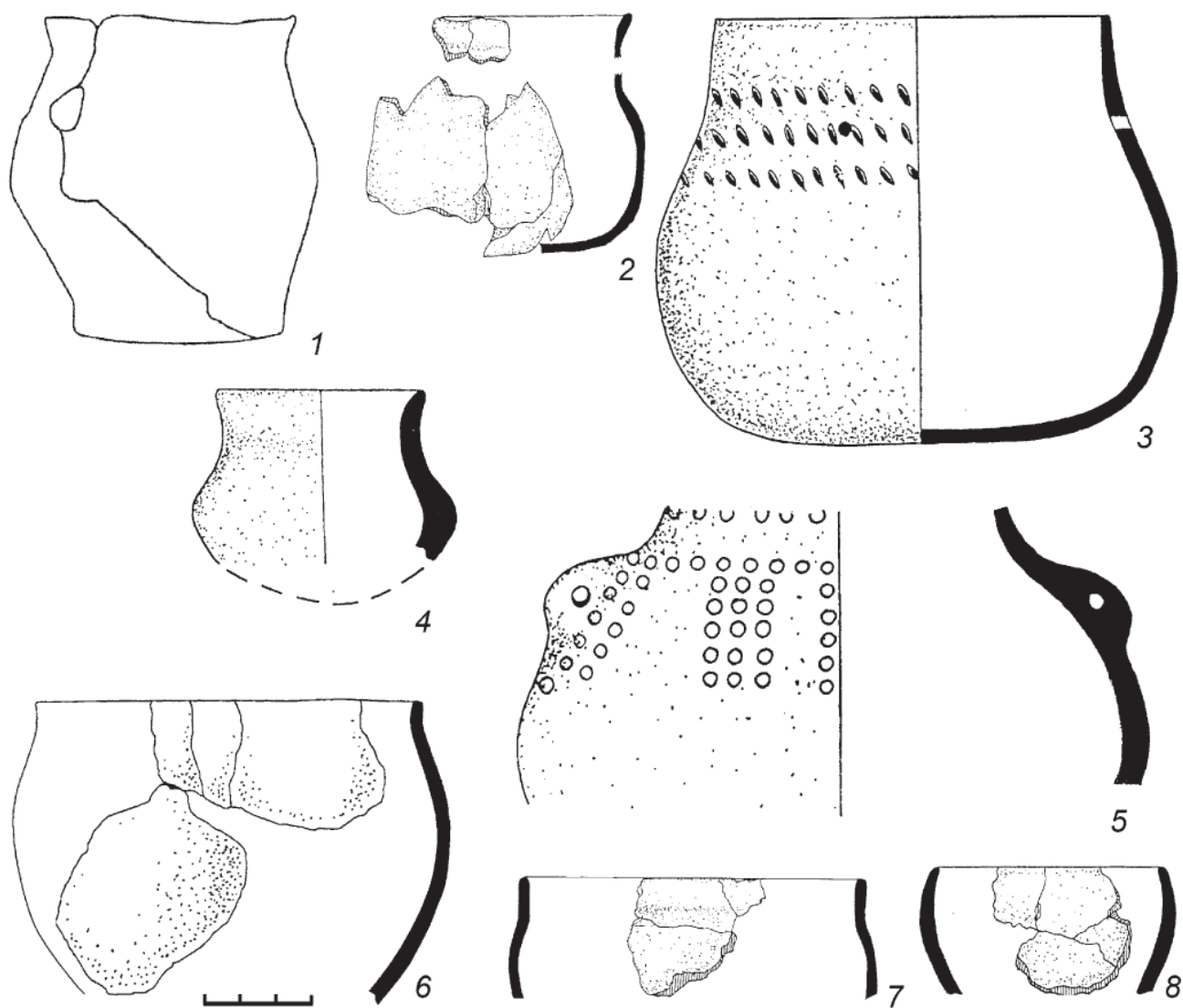

Рис. 5. Глиняная посуда Тураевского могильника (IV–V вв.): 1 – погр. 1 кургана 3 (по: Генинг, 1976, рис. 10); 2–8 – бескурганная часть (по: Голдина, Бернц, 2010)(1 – без масштаба).

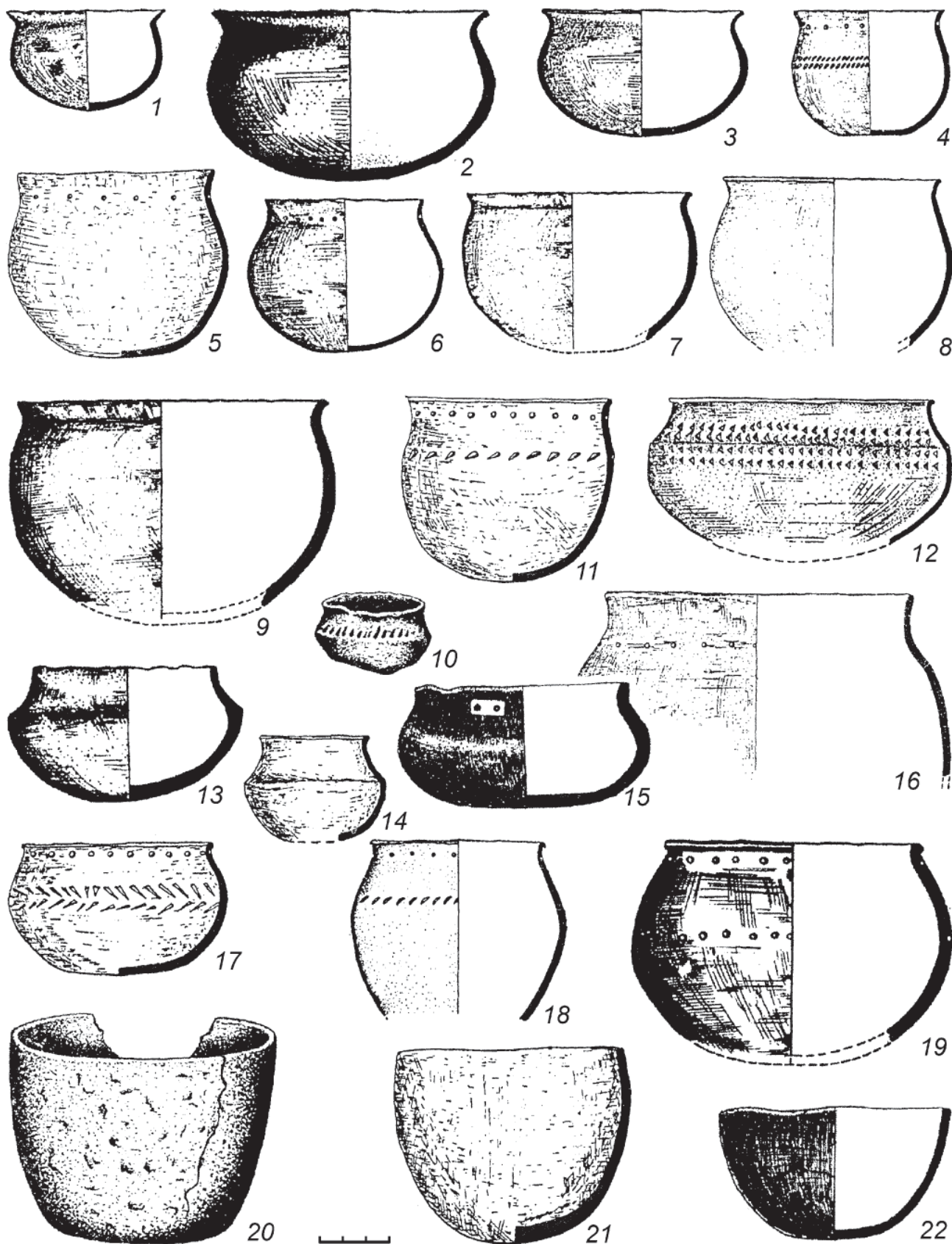

Рис. 6. Глиняная посуда бельского варианта тарасовской культуры (III–V вв.): 1–9, 11–14, 16–19, 21 – Старая Мушта (по: Сунгатов и др., 2004); 10, 15, 20, 22 – Ангасяк (по: Васюткин, 1980).

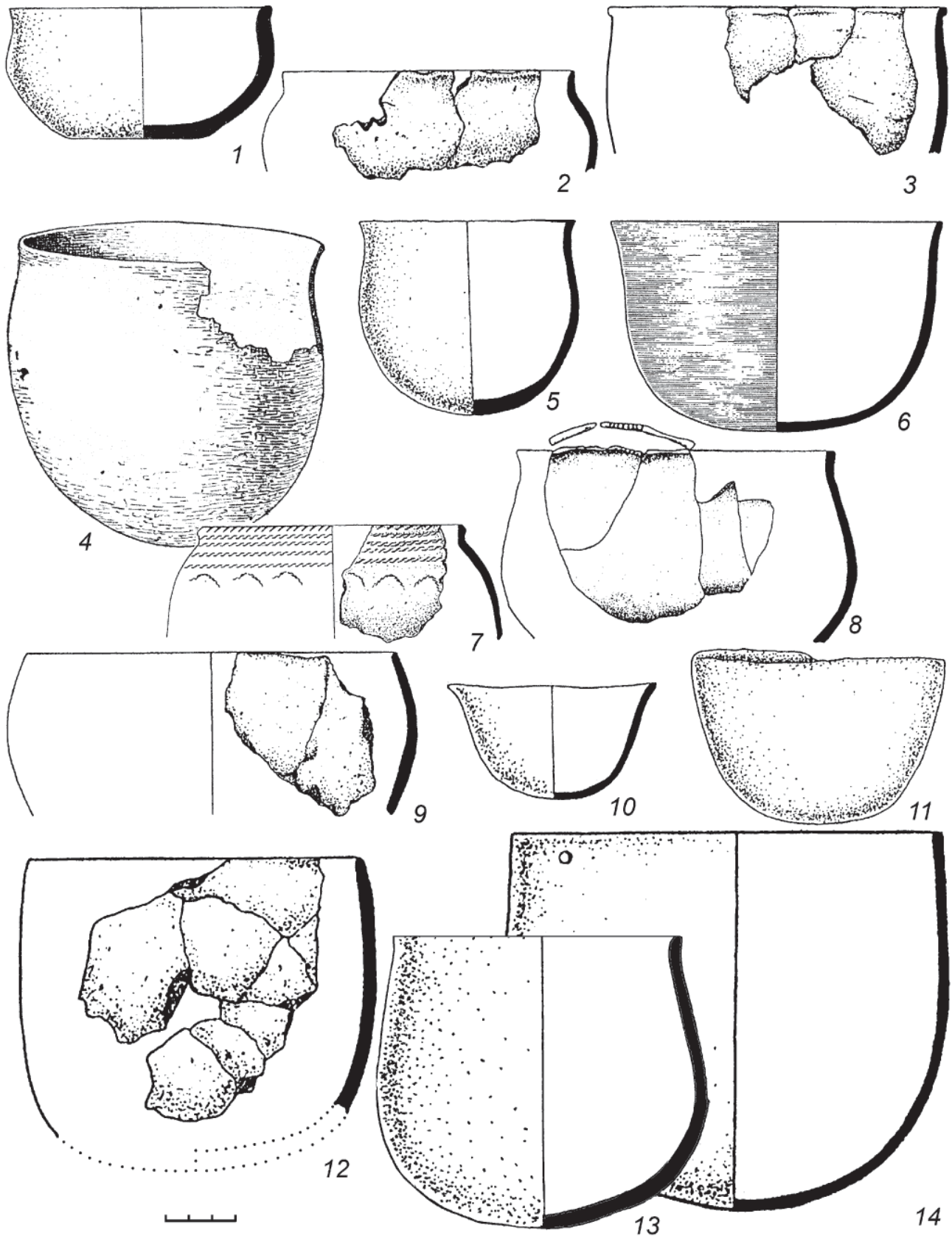

Рис. 7. Глиняная посуда худяковской культуры (III–V вв.): 1 – Рождествено V (по: Старостин, 2009); 2, 3, 7–9 – Первомай; 4 – Мари-Луговая (по: Халиков, 1962); 5, 10, 11 – Тюм-Тюм (по: Ошибкина, 2010); 6 – Арзобеляк (по: Никитина, 1999); 12 – Кордон; 13 – Нармонка (по: Старостин, 2002); 14 – Худяки (по: Лещинская, 2014).

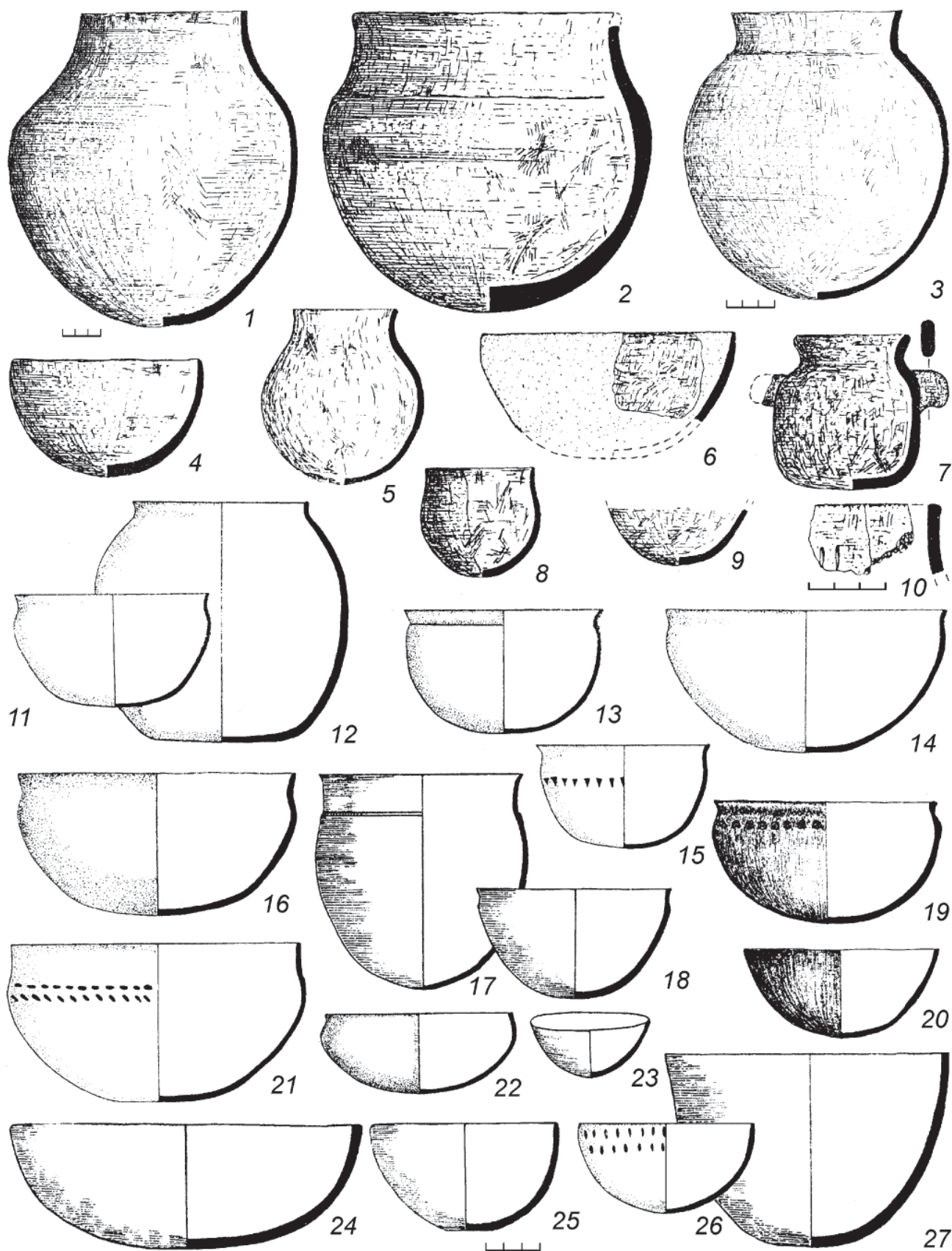

Рис. 8. Глиняная посуда кара-абызской культуры: Шипово: 1–10 – подкурганная часть (IV/III – I вв. до н.э.); 11–27 – грунтовая часть (I–III вв. н.э.) (по: Овсянников и др., 2007).

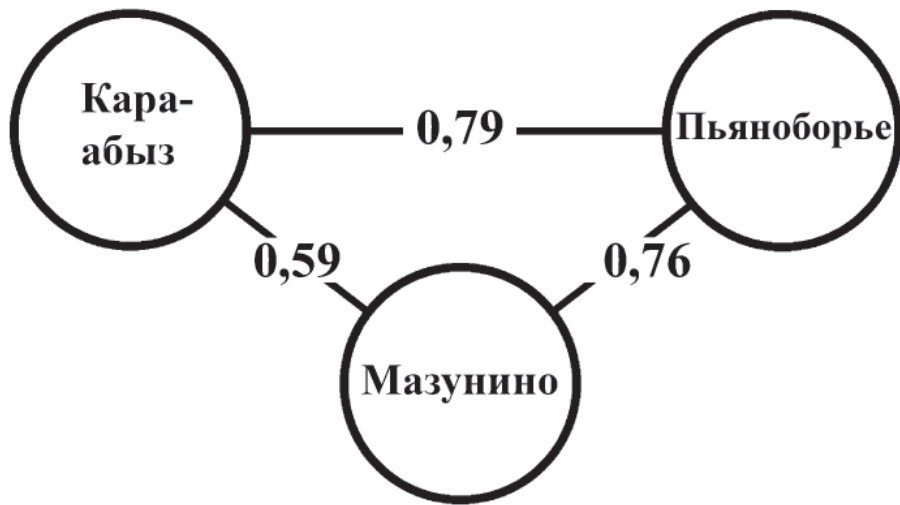

Рис. 9. Граф сходства погребального обряда археологических культур (по: Останина, 1997, рис. 82).

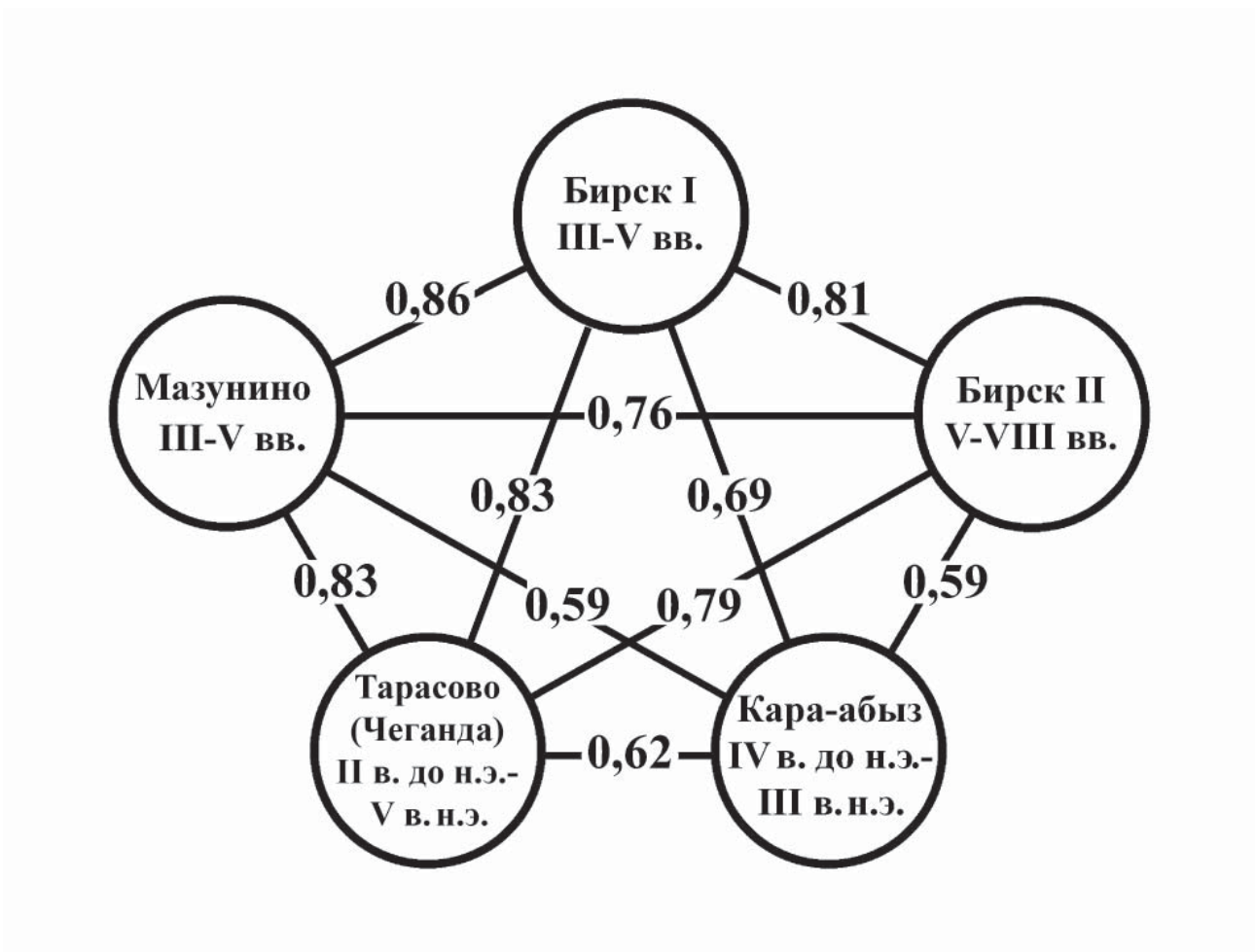

Рис. 10. Граф сходства погребального обряда культур Прикамья рубежа эр и I тыс. н.э. (по данным: Сунгатов, 2017).

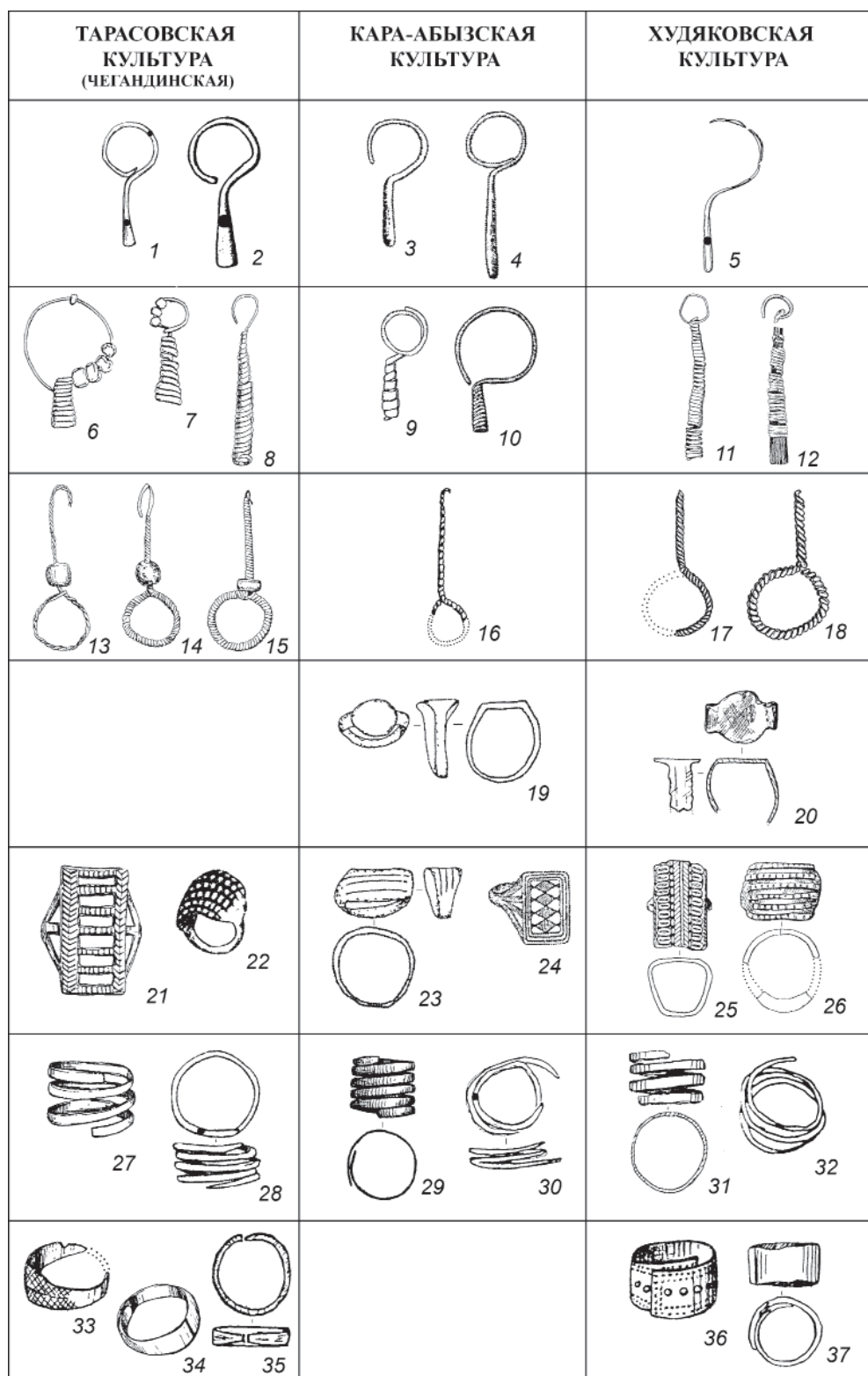

Рис. 11. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Височные подвески. Перстни. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1 (по: Голдина, Красноперов, 2012, табл. 221–5), 2, 22 (по: Агеев, 1992, табл. 1: 12, 13–15), 6–8, 21, 27 (по: Голдина, Бернц, 2016, рис. 9: 19; 11: 29; 14: 45; 16: 58), 13, 14 (по: Голдина, Бернц, 2017а, рис. 6: 47; 10: 83), 28, 33, 34 (по: Голдина, 2003, табл. 75: 4; 102: 2; 706: 5), 15, 35 (по: Султанова, 2000, рис. 3: 20; 18: 3). Кара-абызская культура: 3, 4, 9, 10, 16, 19, 23, 24, 29, 30 (по: Воробьева, 2012, рис. 16: 7, 14, 18; 17: 5, 9; 19: 2, 3, 11–13). Худяковская культура: 5, 11, 12, 17, 18, 20, 25, 26, 31, 32, 36, 37 (по: Лещинская, 2014, табл. 1: 12–14, 23, 26; 2: 5, 6, 8, 9, 17, 33, 35).

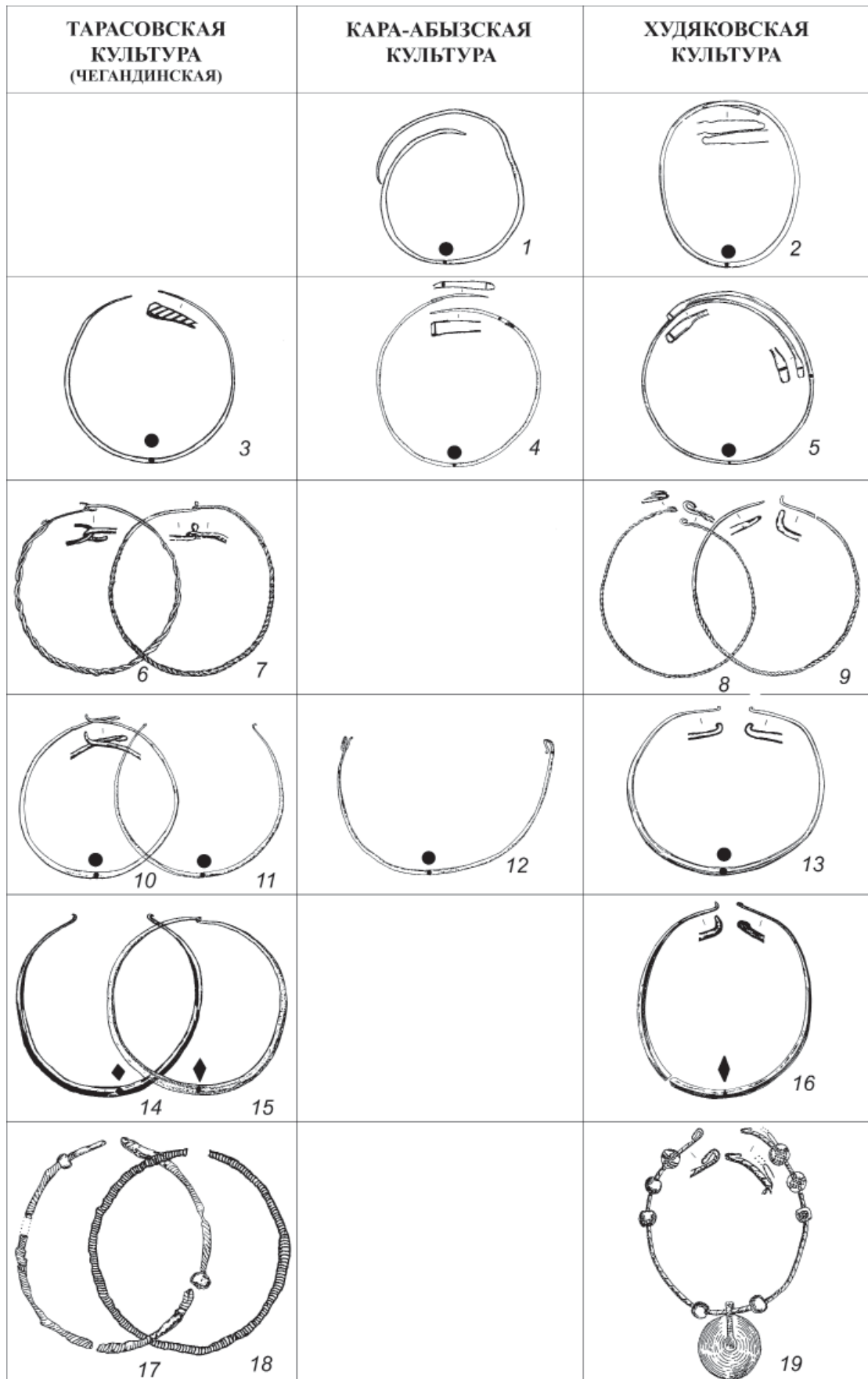

Рис. 12. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Гривны. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 3, 10, 14, 17 (по: Голдина, 2003, табл. 59: 1–3; 415: 8; 549: 19; 574: 5), 7, 11, 15, 18 (по: Султанова, 2000, рис. 6: 2, 4, 6, 7). Кара-абызская культура: 1, 4, 12 (по: Воробьева, 2012, рис. 9: 1; 11: 1, 3). Худяковская культура: 2 (по: Лещинская, 2009, рис. 3: 13), 5, 8, 9, 13, 16 (по: Лещинская, 2014, табл. 4: 2, 4; 5: 1; 6: 1, 3), 18 (по: Старостин, 2009, рис. 11: 26).

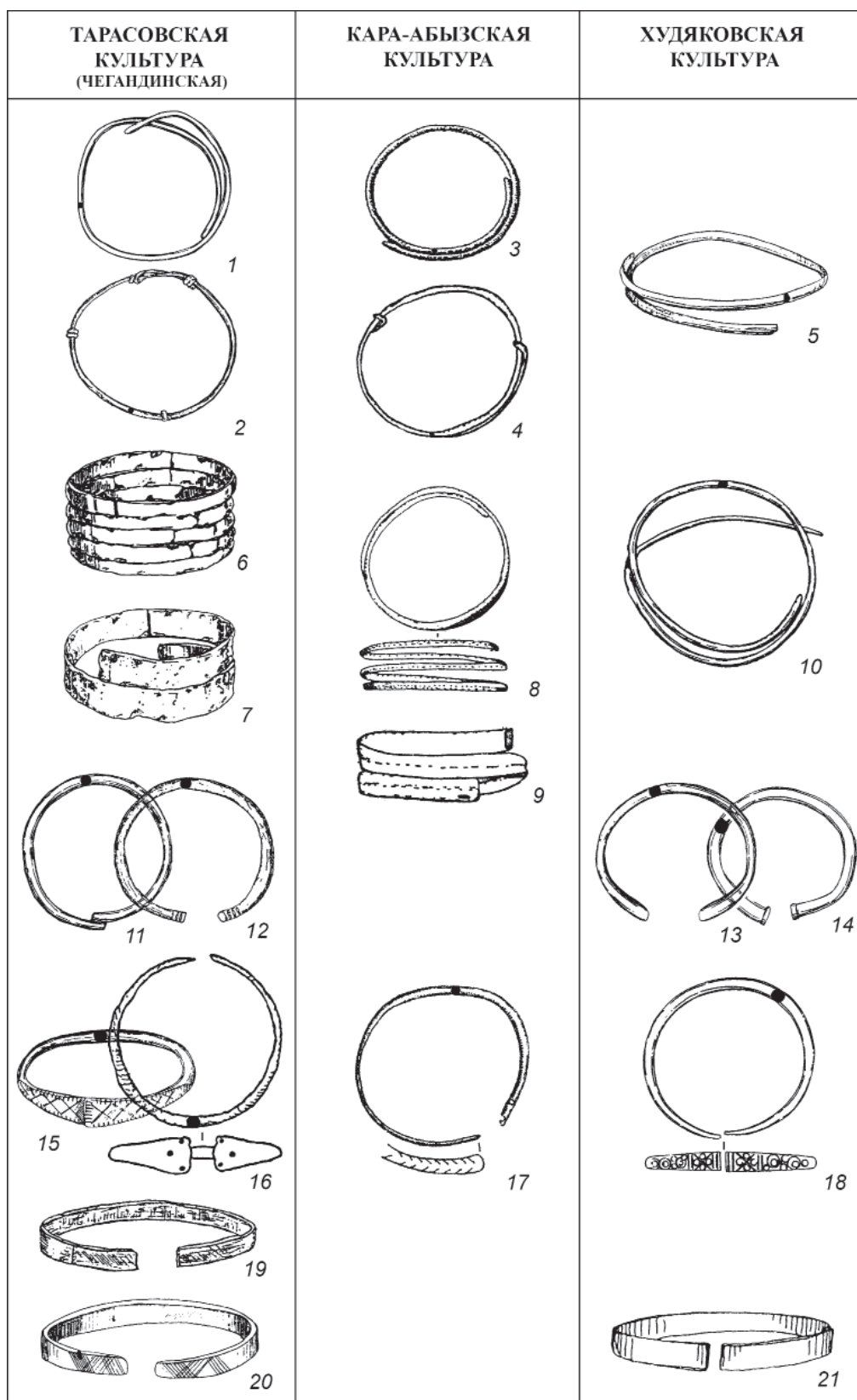

Рис. 13. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Браслеты. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1, 2, 7, 11, 15, 20 (по: Голдина, 2003, табл. 14: 6; 46: 12; 67: 7; 102: 11; 470: 10; 2; 496: 5), 6 (по: Голдина, Бернц, 2016, рис. 12: 31), 12, 16, 19 (по: Султанова, 2000, рис. 18: 8, 15, 16). Кара-абызская культура: 3, 4, 8, 9, 17 (по: Воробьева, 2012, рис. 14: 3, 7, 8, 11, 12). Худяковская культура: 5 (по: Голдина и др., 2014, табл. 23: 1), 10, 13, 14, 18, 21 (по: Лещинская, 2014, табл. 3: 2, 3, 6, 13, 16).

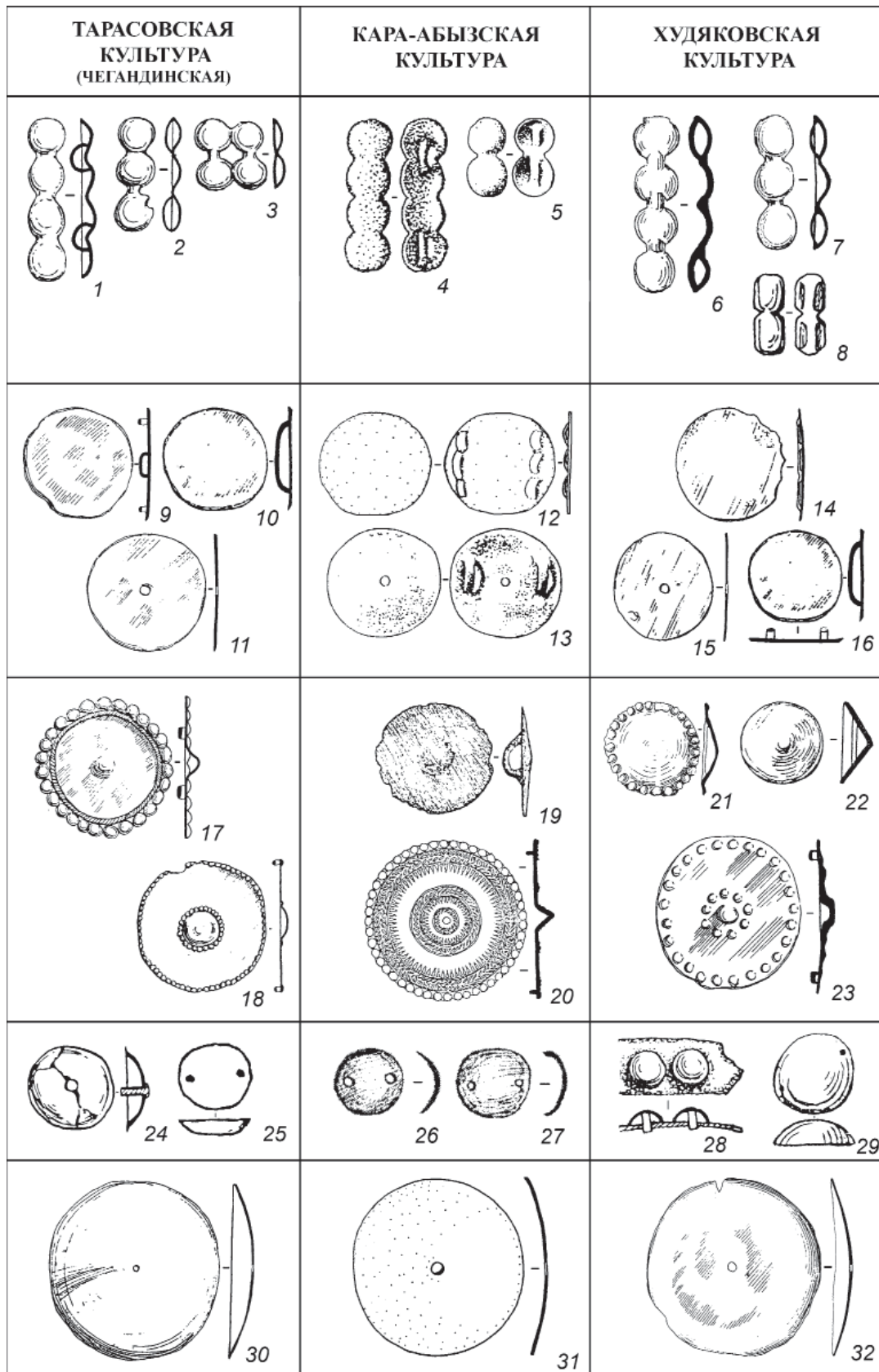

Рис. 14. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Бляшки. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1–3, 17, 18, 24 (по: Голдина, 2003, табл. 171: 5; 259: 3; 423: 7–2; 465: 9; 603: 1; 605: 9), 9–11, 30 (по: Голдина, Бернц, 2016, рис. 3: 16, 18; 16: 61), 25 (по: Султанова, 2000, рис. 17: 14). Кара-абызская культура: 4, 5, 12, 13, 19, 20, 26, 27, 31 (по: Воробьева, 2012, рис. 41: 3; 47: 10, 12; 54: 7, 8; 56: 7, 13, 15; 57: 2). Худяковская культура: 6–8, 14–16, 21–23, 28, 29, 32 (по: Лещинская, 2014, табл. 31: 1, 9; 32: 1, 2, 9, 17, 19; 33: 2, 15, 16; 45: 1, 4).

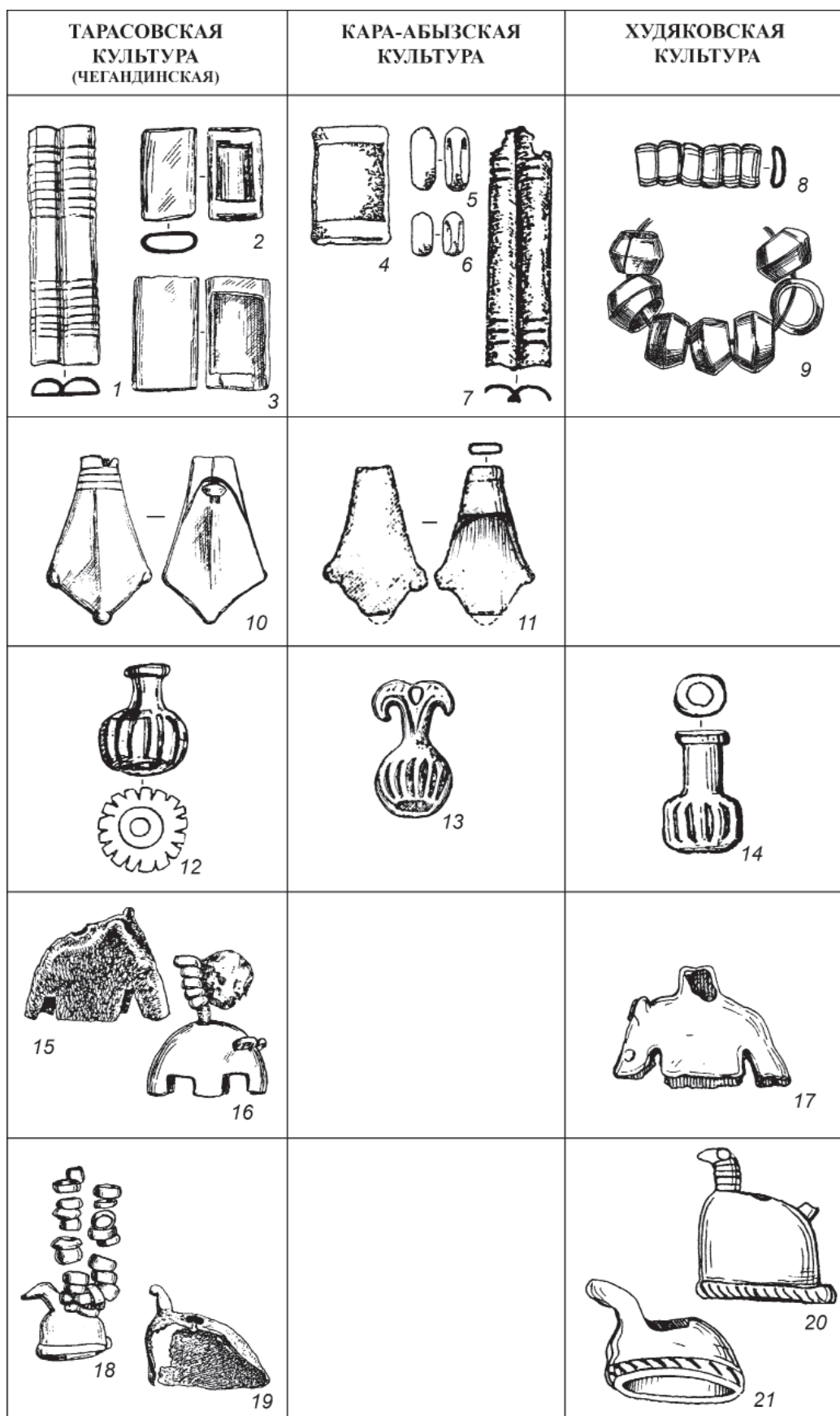

Рис. 15. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Пронизки. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1–3, 10, 16, 18 (по: Голдина, 2003, табл. 221: 27; 317: 33; 424: 6; 472: 18; 602: 6; 605: 2), 12 (по: Голдина, Бернц, 2017а, рис. 4: 26), 15, 19 (по: Султанова, 2000, рис. 7: 4, 7). Кара-абызская культура: 4–7, 11, 13 (по: Воробьева, 2012, рис. 62: 15; 64: 5; 68: 2, 4, 5, 14). Худяковская культура: 8, 9, 14, 17, 20, 21 (по: Лещинская, 2014, табл. 19: 6, 11, 12, 13, 15; 82: 15).

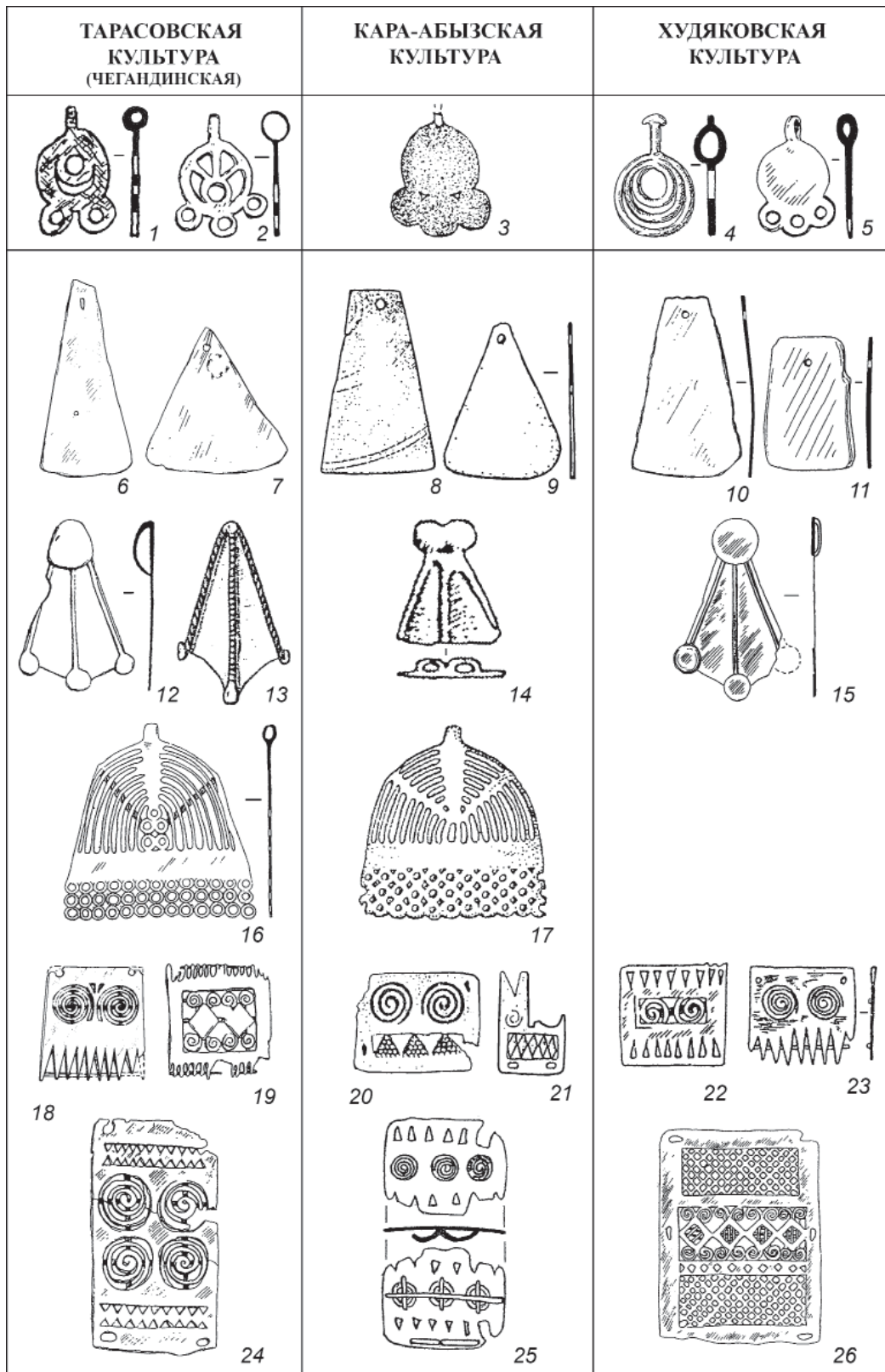

Рис. 16. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Подвески. Накладки. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1 (по: Султанова, 2000, рис. 5: 11), 2, 6, 12, 16 (по: Голдина, 2003, табл. 292: 6; 572: 4; 589: 3; 707: 22), 7, 19, 24 (по: Голдина, Бернц, 2016, рис. 8: 14; 2017a, рис. 10: 81), 13 (по: Агеев, 1992, табл. 3: 19), 18 (по: Генинг, 1970, табл. II: 10). Кара-абызская культура: 3, 8, 9, 14, 17, 20, 21, 25 (по: Воробьева, 2012, рис. 54: 20, 21, 23; 62: 8, 16; 65: 10, 12, 13). Худяковская культура: 4, 5, 10, 11, 15 (по: Лещинская, 2014, табл. 15: 5, 13; 16: 5, 8; 18: 14), 22, 26 (по: Лещинская, 2009, рис. 4: 4, 10), 23 (по: Старостин, 2009, рис. 25: 3).

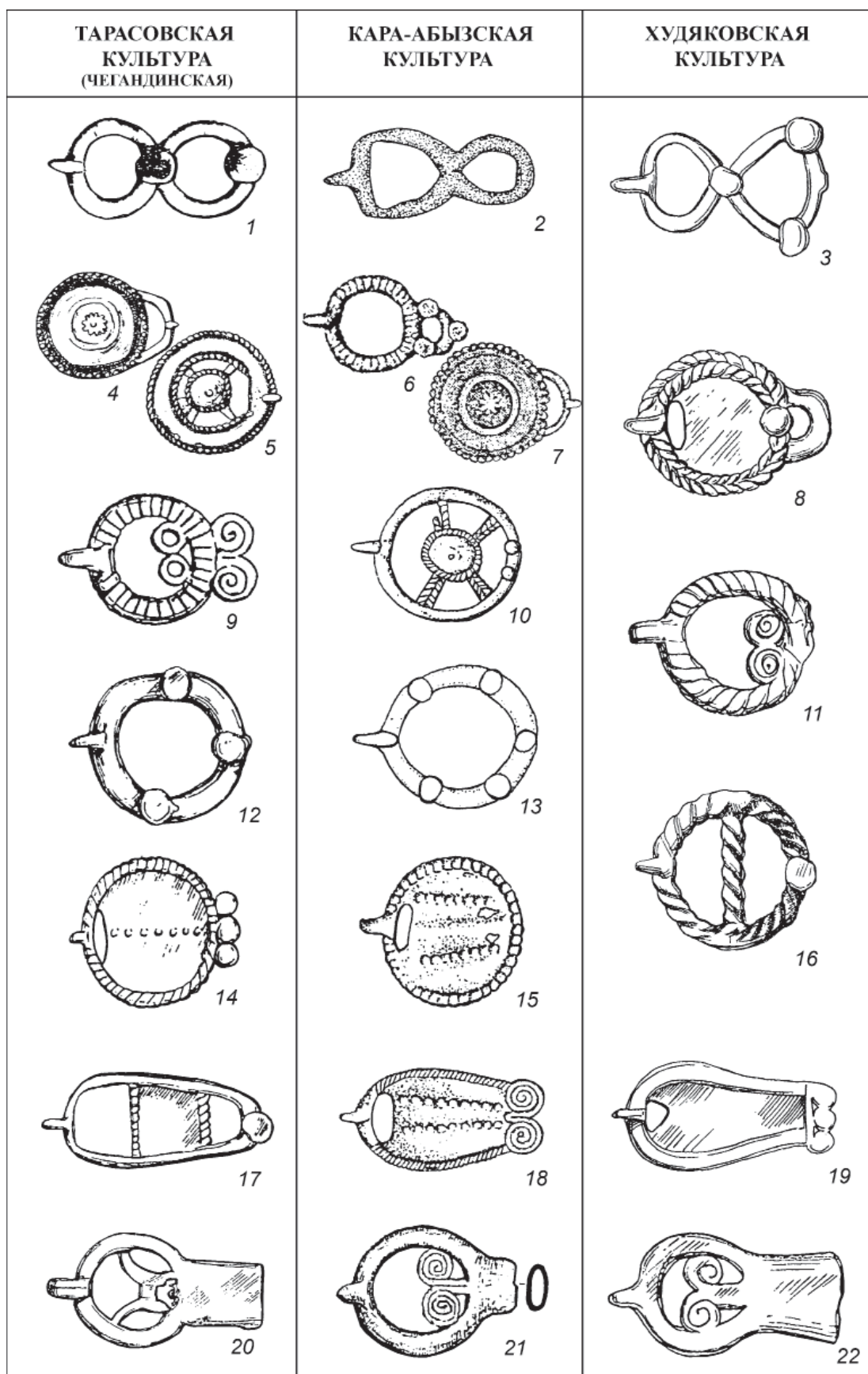

Рис. 17. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Застежки с неподвижным крючком. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1, 4, 5 (по: Агеев, 1992, табл. 11: 1, 20, 34), 9, 14 (по: Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 8; 12: 35), 12, 17, 20 (по: Голдина, 2003, табл. 503: 3; 547: 21; 695: 2). Кара-абызская культура: 2, 6, 7, 10, 13, 15, 18, 21 (по: Воробьева, 2012, рис. 22: 1; 27: 13; 29: 13, 16; 30: 3; 31: 1, 3). Худяковская культура: 3, 8, 11, 16, 19, 22 (по: Лещинская, 2014, табл. 26: 1, 2, 4, 5, 10, 11).

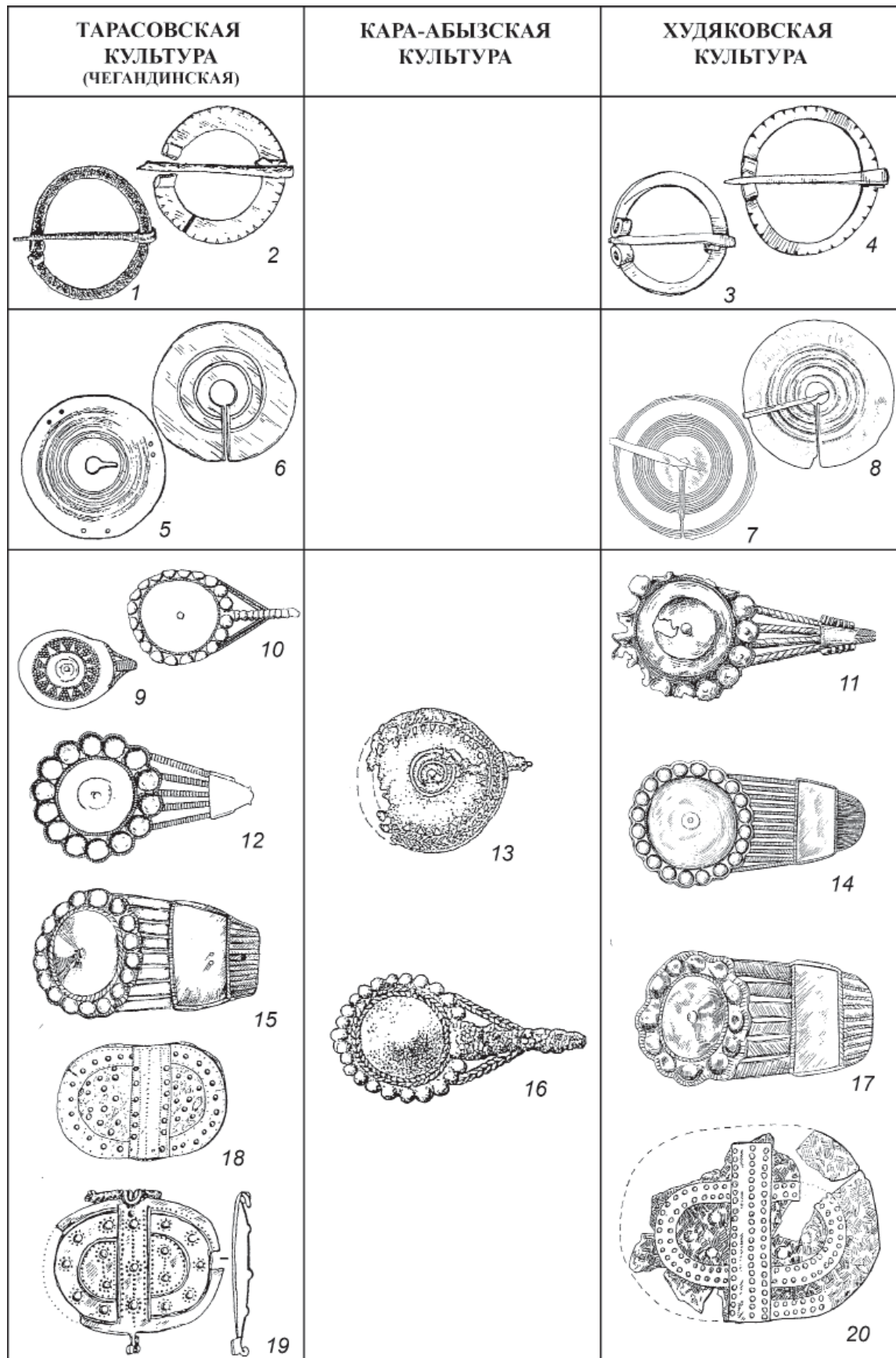

Рис. 18. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Застежки. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1, 5, 18 (по: Султанова, 2000, рис. 10: 7; 11: 4; 15: 31), 2 (по: Голдина, Бернц, 2017а, рис. 10: 76), 6, 15, 19 (по: Голдина, 2003, табл. 268: 4; 387: 6; 437: 2), 9, 10, 12 (по: Агеев, 1992, табл. 10: 5, 6, 15). Кара-абызская культура: 13, 16 (по: Воробьева, 2012, рис. 28: 1, 2). Худяковская культура: 3, 4, 7, 8, 11, 14, 17 (по: Лещинская, 2014, табл. 20: 1, 3; 23: 4; 28: 2; 29: 3; 30: 4, 6), 20 (по: Черных и др., 2002, рис. 81: 6).